

БИБЛИОТЕКА
ПРОЕКТА

БОРИСА АКУНИНА
ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА

К. ВАЛИШЕВСКИЙ
ОБРАЗОВАНИЕ
ГОСУДАРСТВА

◆

Библиотека проекта Б. Акунина
«История Российского государства»

Казимир Валишевский
Образование государства

«АСТ»

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Валишевский К. Ф.

Образование государства / К. Ф. Валишевский — «АСТ»,
— (Библиотека проекта Б. Акунина «История Российского
государства»)

Библиотека проекта «История Российского государства» — это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники исторической литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков. В XVII веке оканчивается дело «великих собирателей земли Русской» и начинает создаваться та Россия, которая затем окончательно переходит в ряды великих европейских и азиатских держав. Целый ряд потрясающих драм сопровождал эту эволюцию: борьба церкви со светскою властью, ряд кровавых войн и бунтов. В это издание вошла чрезвычайно занимательная для русского читателя часть сочинения «Первые Романовы» историка и публициста конца XIX — начала XX века Казимира Валишевского — яркий, полный красочными подробностями повседневной жизни двора русских царей рассказ иностранца-поляка, горячо заинтересованного событиями бурной поры, резко отразившимися на судьбе его отечества.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Валишевский К. Ф.
© АСТ

Содержание

Глава I	6
1. Первый Романов	6
2. Наследие Смутного времени	10
3. Мир со Швецией	15
4. Перемирие с Польшей	19
Глава II	22
1. Двуглавое правительство	22
2. Брак Михаила	24
3. Дипломатическая кампания	27
4. Опыт военной реформы	33
5. Смоленская катастрофа	36
6. Появление новых претендентов	40
7. Обручение царевны	41
8. Реставрация	45
9. Реорганизация администрации	48
10. Социальная и экономическая эволюция	50
11. Прогресс	57
Глава III	62
1. Восшествие на престол Алексея	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Казимир Валишевский

Образование государства

© В. Akunin, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Глава I

Основатель династии. Михаил Федорович

1. Первый Романов

Восшествие на трон первого Романова, положившее конец Смутному времени, послужило блестящим опровержением народной пословицы, по которой для приготовления заячьего рагу необходим заяц. История, кажется, не знает другого примера образования политического влияния при подобных условиях. Перед нами дворянская фамилия, хотя популярная, но не очень древняя и пережившая целый ряд испытаний; отец нового государя находился несколько лет в опале и испытал ряд самых удивительных приключений. Он был пострижен в монахи в монастыре, превращенном в тюрьму. Он был, наконец, заложником в руках поляков. Перед нами и его мать, также вынужденная принять схиму, вместе со своим сыном жертва всех бедствий внешней и гражданской войны, гонимая с места на место и думающая только о том, чтобы ее и сына оставили в покое...

И из всего этого на заре XVII века в Московском государстве, доведенном до крайней нищеты, и создались национальная династия и сильная власть.

Дело походило на безумное пари. Я уже указал в одном из предыдущих сочинений [«Смутное время»], вследствие какого стечения обстоятельств оно состоялось. Теперь я постараюсь показать, как оно было выиграно.

Один голландец, живший в то время в Москве, выражал уверенность, что у Михаила было единственное средство, чтобы удержаться на троне, а именно: подражать Грозному и «купаться в крови по горло». Однако он ошибался.

Первый Романов, напротив, был мягким и безобидным правителем.

Он, впрочем, и не думал вовсе быть государем. Сначала он положился на своих окружающих, т. е. на родственников своей матери, Салтыковых, и на саму царицу Марфу. Первые представляли собой пособников очень сомнительного качества. Способные только на интриги, заботясь лишь о захвате мест и богатства, они чуть ли не с первых шагов вносили в дело смуту и опасность. Мать уже по одному тому, что была матерью, оказалась более полезной.

Она положительно вырвала своего ребенка у авантюристов-избирателей, желавших «упокоить его на ложе трех недавно убитых царей»; с такою же энергией она потом защищала его против принятия на себя риска управления. Судя по дошедшему до нас портрету, ее суровые очи под густыми бровями, большой властный орлиный нос и тонкие губы указывали на наличие своевольного характера. Изгнание, монастырская жизнь, долгие лишения, беспрестанные заботы и жестокие обиды еще более закалили и ожесточили ее темперамент. Она начала с того, что смело положила свою руку на сокровищницу прежних цариц. Она воспользовалась этой добычей, чтобы окружить себя людьми, послушными ее словам, всегда бдительными шпионами и преданными воинами. Так, во всеоружии, пошла она навстречу событиям.

С. П. Ягужинский. Царь и великий князь Михаил Федорович Романов

Инокия Марфа (в миру Ксения Иоанновна Романова, до брака Шестова) – мать царя Михаила Федоровича, супруга Федора Никитича Романова, именовавшаяся в грамотах своего сына «великая государыня»

Все это еще не было правительством, как и установление новой династии. Собор, т. е. учредительный и избирательный сейм, соединил на время в своих руках всю власть за отсутствием другого органа. Ее и не отнимали у него. В 1615 году по неизвестным нам причинам лишь изменился состав Собора посредством новых выборов. Потом был распущен, в свою очередь, и этот второй Собор, были созваны другие в промежутки, до сих пор еще точно не определенные, но, по-видимому, почти не нарушавшие в первые годы нового царствования фактической непрерывности участия Собора в управлении.

Практика парламентского режима не выработала здесь никакого точно определенного принципа, и хотя условия, принятые Михаилом, и расширяли в некоторой степени компетенции «избранных народа», однако по своей неопределенности допускали всякие компромиссы.

Восстановленный совет бояр, Дума, функционировала наряду с Собором, играя в эту минуту слишком неблагодарную роль, чтобы стать предметом вожделений.

Естественный порядок деятельности здесь часто нарушался. Так, в 1614 году Дума, орган скорей административный, передала выполнение выработанных в отношении к казакам мер Собору, органу уже законодательному, который не участвовал в выработке решения! Немного позже англичане, обратившись к Думе за разрешением некоторых коммерческих привилегий, получили, однако, ответ, что такие вопросы не могут быть впредь разрешены «без представителей всего Государства».

Нам неизвестны точно условия конституционного договора с Михаилом. Однако более чем сомнительно, чтобы этот документ содержал в себе оговорки подобного рода.

Следуя традиции, преемник Михаила, Алексей, еще продолжал созывать Соборы и даже поручал им выполнение текущих дел, но уже при Михаиле, в 1642 году, когда собрание высказалось в громадном большинстве за окончательное присоединение Азова, захваченного казаками у татар, царь принял в конце концов противоположное решение.

Здесь были необходимы выдающиеся государственные люди для того, чтобы разбираться в сложных фактах, явившихся последствием крайне сложного кризиса. А приближенные Михаила были, напротив, люди грубые, невежественные, в корне деморализованные, необузданные и спорщики. Между ними постоянно разгорались споры и раздоры, даже в присутствии государя, и после взаимных оскорблений они обыкновенно переходили к драке. Государь не принимал, однако, никаких мер для смягчения этих варварских нравов. В присутствии всего двора из-за какого-то ложного обвинения против князя Гагарина по приказанию царя простой секретарь (дьяк) Думы дал пощечину дворянину Леонтьеву. За проступок подобного же рода другой дворянин, Чихачев, получил ряд палочных ударов.

Такие люди не были созданы для того, чтобы направить свое отечество по новому пути. Удивительно, что Марфа, ее сын и те, что служили при них правительством, могли при подобной обстановке справиться с трудностями момента.

Они были ужасны.

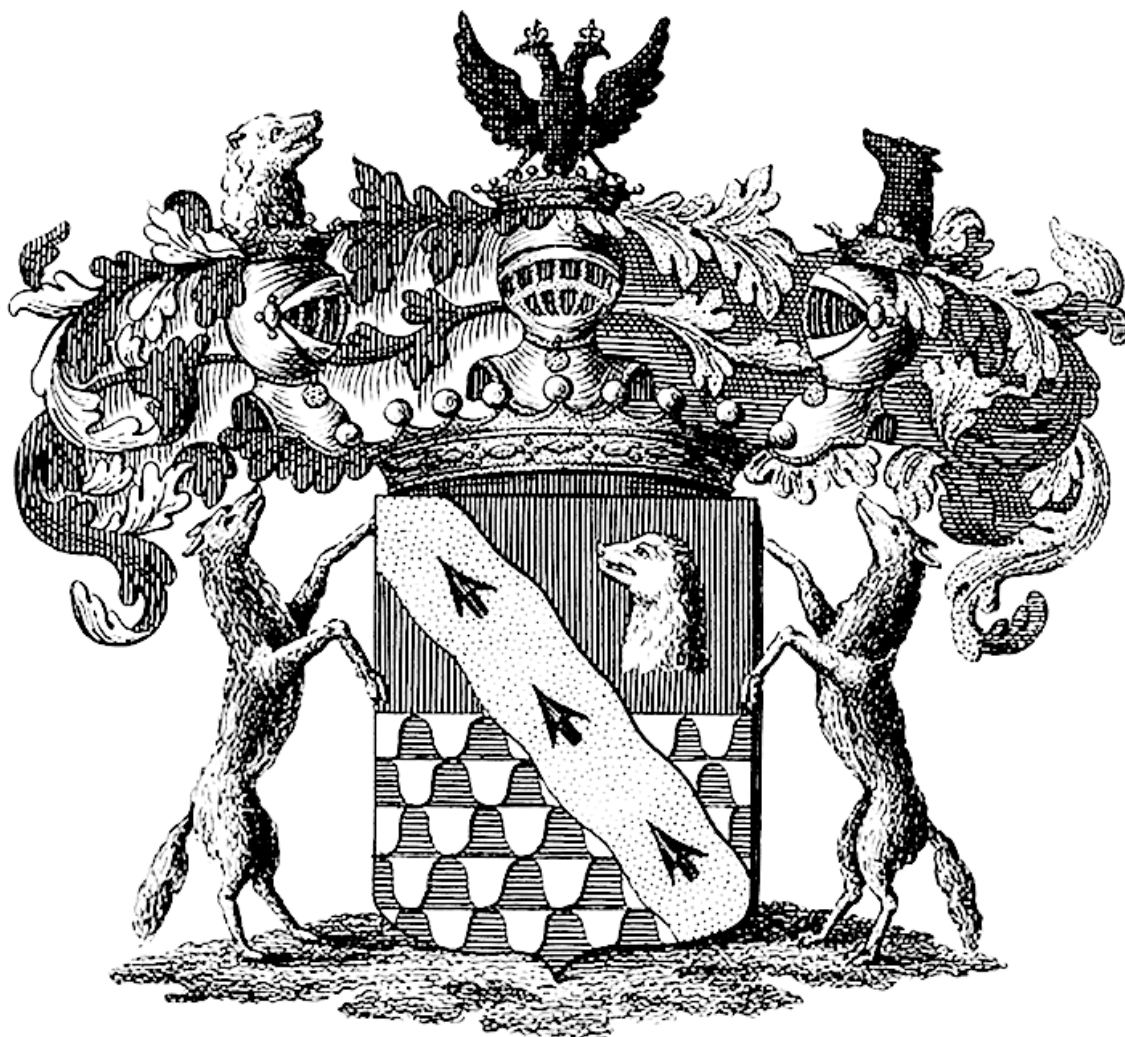
2. Наследие Смутного времени

Преодоленный лишь наполовину, долгий кризис поверг страну в состояние анархии и ужасающей нищеты. Разграбленные деревни, разрушенные города, социальные классы в полном разложении; всюду хаос и запустение. В течение десяти лет крестьяне и горожане не переставали убегать из своих разрушенных жилищ, оставляя поля необработанными, и великое переселение все еще продолжалось. Хотя неприятельские войска и были отброшены, но вся страна подвергалась еще нападениям отдельных шаек, польских партизан, казаков и мародеров.

Марина и Заруцкий еще держались, и я уже указывал на то, как они продолжали преследовать свои несбыточные мечты и свою безумную авантюру до июня 1614 года.

Даже после захвата этой парочки и после смерти сына Марины нельзя еще было сказать, что смута подавлена и что ослушники всякого рода, восставшие против любого проявления политического или социального порядка, уничтожены. Они продолжали бороться под предводительством других популярных и смелых начальников: Захария Заруцкого, Янко Баловня и др. Изгнанные из центральной области, они хозяйничали в северных областях, от Холмогор до Архангельска, от Ваги до Каргополя, совершая там самые ужасные грабежи, увеличивая число самых гнусных эксцессов. Так, они набивали порохом рот и уши своих жертв и подкладывали туда огонь. Истощив все усилия, Собор в сентябре 1614 года не придумал другого средства, как послать для увещания этих разбойников нескольких священников! Баловень исполнился новой смелости, отступил к югу и угрожал некоторое время Москве.

Не было войска; то, которое изгнало поляков, представляло собой лишь милицию, всегда готовую разбежаться на следующий день после победы. Из нее уже не оставалось ни одного человека. Не было денег для улучшения военной организации, уже слишком архаической, находившейся в полном разложении. Любопытно следующее, и в этом обнаруживается, насколько сильны некоторые традиции даже там, где их менее всего можно было ожидать: чтобы пополнить недостачу в государственном казначействе, Собор и Дума не нашли ничего лучшего, как испросить прибавления в области доходов от потребления спиртных напитков. Было увеличено число кабаков, и государственный фиск ревниво оберегал там право своей монополии.

Но для того, чтобы пить водку, расточаемую даже официальными Ганимедами, необходимо было иметь, чем за нее платить. И когда выяснилось, что этот род промышленности не даст достаточно много прибыли, в 1615 и 1616 годах Собор учредил чрезвычайную подать, носящую название «пятины». Это был налог на доход в размере двадцати процентов. Еще добавили подать в 120 рублей за соху, представляющую собою земледельческую и податную единицу, размер которой очень трудно учесть. Мы к ней еще вернемся. Одна фамилия, Строгановы, крупные торговцы и не менее крупные собственники, должна была уплатить 56 000 рублей, громадную сумму по тому времени. Впрочем, они были единственными богачами в целом государстве.

Не одни только Заруцкий и Баловень угрожали Москве. Поляки были уже выгнаны из Московского государства, но Владислав оставался еще избранным царем Москвы и не отказывался от своих прав. С другой стороны, шведы обосновались уже в Новгороде, и брат Густава-Адольфа, принц Филипп, заставил себя признать там государем, высказывая при этом явное намерение присоединить все остальное к этой части распавшегося государства. Наконец, отец Михаила оставался еще в плену.

Первою заботою новых правителей явилось заключение мира с Польшею и освобождение Филарета. Однако достигнуть этого было далеко не легко. Денис Аладьин, посланный с этою двойною целью 10 марта 1613 года в Варшаву, очутился в затруднительном положении, не зная, с кем и от имени кого ему действовать. Король польский признавал царем лишь своего собственного сына. Сам Михаил даже присягал этому государю! Для того чтобы

освободить Филарета, Аладьин предложил обмен пленными, но в московских тюрьмах не оказалось ни одного поляка, так как почти все были задушены!

Сигизмунд даже не соблаговолил отвечать на эти предложения. Польский сенат оказался более сговорчивым. Ему также было над чем призадуматься в финансовом вопросе: польским войскам очень мало или почти ничего не платили, и они потому занимались добычей себе жалованья на собственных же землях с помощью грабежа и хищения.

Но у короля оставались еще личные средства, на которые возможно было нанять наемников, и благодаря этому враждебные действия приняли, когда возобновились, благоприятный оборот для Московского государства. Здесь особенно сильно чувствовалось полное истощение, а плохое состояние военного дела усугублялось еще плохим подбором командовавших лиц.

Главную оборону страны составляли укрепленные города, но они оставались почти без всякой защиты. Летописи Углича, например, говорят о сломанных мостах, пробитых башнях, засыпанных рвах; из числа гарнизона шесть артиллеристов умерло от голода; ни пороха, ни хлеба, и почти полное отсутствие жителей.

Командование передавалось кому попало: два князя, Андрей Хованский и Иван Хворостинин, спорили о местничестве при распределении обязанностей и из-за споров забыли о неприятеле.

Иоганн Генрих Ведекинд. Портрет царя Михаила Федоровича

В июле 1613 года неприятель подошел к Можайску и Калуге, где герой войны за независимость, знаменитый князь Дмитрий Пожарский заболел от истощения, померившись силами со знаменитым Лисовским. Переходя с места на место с фантастическою быстротою, делая до ста пятидесяти верст в день, проходя как тень между Можайском и Вязьмою, потом между Владимиром и Муромом и тотчас же между Тулою и Серпуховом, неуловимый со своею горстью неутомимых кентавров, этот партизан передал потом свое имя банде, прославившейся на германских полях во время тридцатилетней войны.

Враждебные действия и с той и с другой стороны не привели ни к какому решительному результату, — тогда перешли к переговорам. В Варшаве появились новые московские посланники с доверительными грамотами от Собора, причем в них подпись Михаила красовалась на четырнадцатом месте наряду с именами бояр. Дошли даже до этого! Если бы посланные рискнули произнести имя царствующего государя, против этого протестовал бы сам Филарет: не он ли был сам уполномочен Собором для того, чтобы добиться согласия Сигизмунда на царствование его сына? Посланные апеллировали к воле Бога, решившего дело иначе. — Ну, вот еще! — возразили им поляки. — Это донские казаки задумали создать себе государя из вашего поповича! — А что за царь был бы ваш Владислав? — заметили москвичи. — Он думал управлять нами посредством кожевника Федьки Андропова. — А вы решили его заменить мясником Мининым.

Напрасно посланник императора, Эразм Ганделиус, старался взять на себя посредничество. Император сам не решался признать соперника Владислава, и, когда другие московские посланники заявили в Вену, их отослали обратно с письмом, обращенным к одним только боярам. В нем имя Михаила даже не упоминалось.

Эти посланники во время их миссии наводили ужас и были предметом насмешек всей Германии: в Гамбурге они покушались на невинность одной англичанки из хорошего общества; в Гааге, в гостях у казначея, они пытались растлить его дочь. В Вене император, оскорбленный другими выходками подобного же рода, приказал отобрать у них дарованные им золотые ожерелья, украшенные его портретом.

В июне 1616 года, после новых многочисленных попыток, предпринятых во всех европейских дворах, щедрая раздача соболей, частью которых милостиво согласились воспользоваться советники Матфея, доставила даже самому ловкому из московских дипломатов, Лукьяну Мясному, лишь словесные обещания: император не будет помогать Польше и предложит ей даже заключить мир.

Лишь Голландия, только что окончившая войну, оказала надоедливый ходатаям гостеприимство, за которое те отплатили, как мы видели, только одними гнусными поступками. Англия обещала свою поддержку против Швеции, но ставила взамен этого довольно неопределенные условия: свободное плавание по Волге для торговли с Персией, по Оби, для поисков пути в Индию и Китай, право свободной эксплуатации Новой Земли и позволение заниматься горным промыслом в бассейне Сухоны... Не захотела и Турция напустить татар против поляков, так как она была занята походом на Персию, а татары ей жаловались, что донские казаки получают из Москвы подмогу провиантом и деньгами для постоянных набегов на Азов. Только одна Персия, желая добиться прощения за ее недавние связи с Мариной и Заруцким, вняла призыву и торжественно раскрыла свою сокровищницу в распоряжение «Белого царя». Но из ее серебряных слитков удалось лишь получить 7000 рублей.

Этого было недостаточно для продолжения войны на два фронта. Здравый инстинкт советников Михаила побудил их сначала покончить с самым страшным из обоих противников, с которым приходилось сражаться.

3. Мир со Швецией

Густав Адольф, верно оценив положение, не колебался по поводу той пользы, какую он мог извлечь из него. До избрания Михаила он делал вид, что поддерживает притязания брата. После этого события, продолжая военные действия, даже лично предводительствуя при взятии Гдова (в сентябре 1614 года) и подготавливая осаду Пскова, он тем не менее дал своим уполномоченным приказание заключить договор с новым царем: он решил удовольствоваться одною Балтийскою империей. В июле 1615 года, лишившись под стенами Пскова лучшего из своих генералов, Еверта Горна, он ускорил переговоры, окончательно состоявшиеся в Дедерине под Хвостовым, причем посредниками явились английский агент Джон Мерик с голландскими послами.

Один из последних, Антоний Гетеерис, оставил нам мрачное описание состояния страны: в пустынной равнине кучи пепла указывали места сожженных деревень, кое-где лишь попадались полуразрушенный монастырь или изба, вход в которую был закрыт целою кучею мертвых тел...

Как и всегда при встречах подобного рода, между москвитями и западными людьми соглашению предшествовал ряд праздных разговоров и оскорбительных речей. Опираясь на трактат, передававший Швеции Карелию в обмен на отряд вспомогательного войска, отданный царю Шуйскому, шведы требовали возвращения этой области. – Но ваши солдаты изменили нам! – Вы им не платили! – Молчи, Яков Делагарди, ты получил деньги, но ты положил их в карман.

Эти и без того затруднительные переговоры, прерванные после подписания простого перемирия, затем продолжавшиеся при помощи переписки и вновь возобновленные в Столбове, осложнились еще притязаниями Москвы на военную помощь со стороны Швеции против Польши. Наконец, 27 февраля 1617 года был подписан Вечный мир. Добившись вместо желанного союза восстановления Новгорода и отказа Филиппа от наследия Рюрика, москвиты дешево отделались от большой неприятности. Они уступили только свои весьма сомнительные права на Ливонию и Ингрию и несколько местностей: Ивангород, Ямбург, Орешек, Нотебург, Кексгольм (Шлиссельбург). Но зато, как это указал Густав Адольф в своем торжествующем письме к матери, эти места представляли собою ключи к Балтийскому морю, те самые пункты, для захвата которых, одним веком позже, должен был напрячь свои усилия Петр Великий.

6

[illegible]

Страница Мирного договора (Столбовский мир), положившего конец русско-шведской войне 1614–1617 годов. Мирный договор был заключен между Русским царством (царь Михаил Федорович) и Шведским королевством (король Густав II Адольф) при посредничестве английского короля Якова I

Основываясь на праве взаимной торговли, шведы, кроме того, снова открыли свои старые конторы в Новгороде, Пскове и Москве, уступив в свою очередь те же привилегии москвитам в Ревеле и распространив их на Выборг и Стокгольм.

В этот союз вошел, таким образом, Новгород, отказавшись, без большого труда, от своей мечты об автономии, в которую сумели внести некоторое разочарование шведы. Всеобщая амнистия, дарованная городу, и торжественное перенесение в его стены чудотворной иконы Божией Матери, взятой из соседнего монастыря в Тихвине, освятили восстановление прежнего порядка.

Англия совершила неудачный торг в таком договоре. Когда Джон Мерик потребовал уплаты за свои добрые услуги, ему указали, что дорога в Персию по Волге несколько ненадежна из-за разбойников, что путь в Индию и Китай по Оби недоступен из-за льдов, загромождающих почти постоянно эту реку, и что, кроме того, Китай небольшая и небогатая страна.

И этот честный посредник должен был удовольствоваться золотым ожерельем, из которого не был вынут царский портрет, и мехами, среди которых, наряду с очень редкими соборами, было обидное количество сибирских белок.

Но еще меньше мог поздравить себя с таким событием другой противник Москвы.

4. Перемирие с Польшей

Польша между тем упустила драгоценное время. В ноябре 1616 года одному из ее лучших полководцев, Александру Госевскому, удалось снять блокаду со Смоленска, заставив при этом быстро отступить московских воевод Михаила Бутурлина и Исаака Ногожева, но вотированная сеймом отправка большой армии в поход оставалась лишь в проекте ввиду отсутствия достаточных средств. В апреле 1617 года Владислав, рискнув выступить по дороге в Москву с каким-нибудь десятком тысяч войска, должен был вернуться в Варшаву для получения подкрепления, и только в сентябре появился снова под стенами Дорогобужа. Среди его приближенных находилось несколько выдающихся москвитян – Михаил Шеин, князь Георгий Трубецкой, – и присутствие их, без сомнения, побудило местного воеводу, Ивана Ададунова, сдать город и присоединиться к польскому царю со всею местною знатью.

В свою очередь и Вязьма открыла ему ворота, и Владислав тотчас же послал в Москву манифест о своем скором прибытии вместе с патриархом Игнатием, поставленным первым Лжедмитрием (плохая рекомендация!), который должен был благословить его на коронацию.

Посылая такого рода заявление, Владислав не принял во внимание двух препятствий, которые могли встать на его пути: зимы, которая вскоре должна была прекратить военные действия, и недостатка денег, не позволявшего возобновить их ранее июня следующего года. Можайск и Борисов были эвакуированы к тому времени приказом из Москвы. Там царила страшная паника, и доступ в столицу, казалось, был открыт. Но у Владислава было слишком мало людей с собою; он хотел подождать прибытия двадцати тысяч казаков, которых вел к нему малорусский гетман Конашевич, испытанный вояка. Взяв приступом переход через Оку и расстроив попытку московского гарнизона помешать его соединению с поляками, храбрый солдат совершил все, что мог, но в это время первые холода суровой зимы дали снова себя почувствовать.

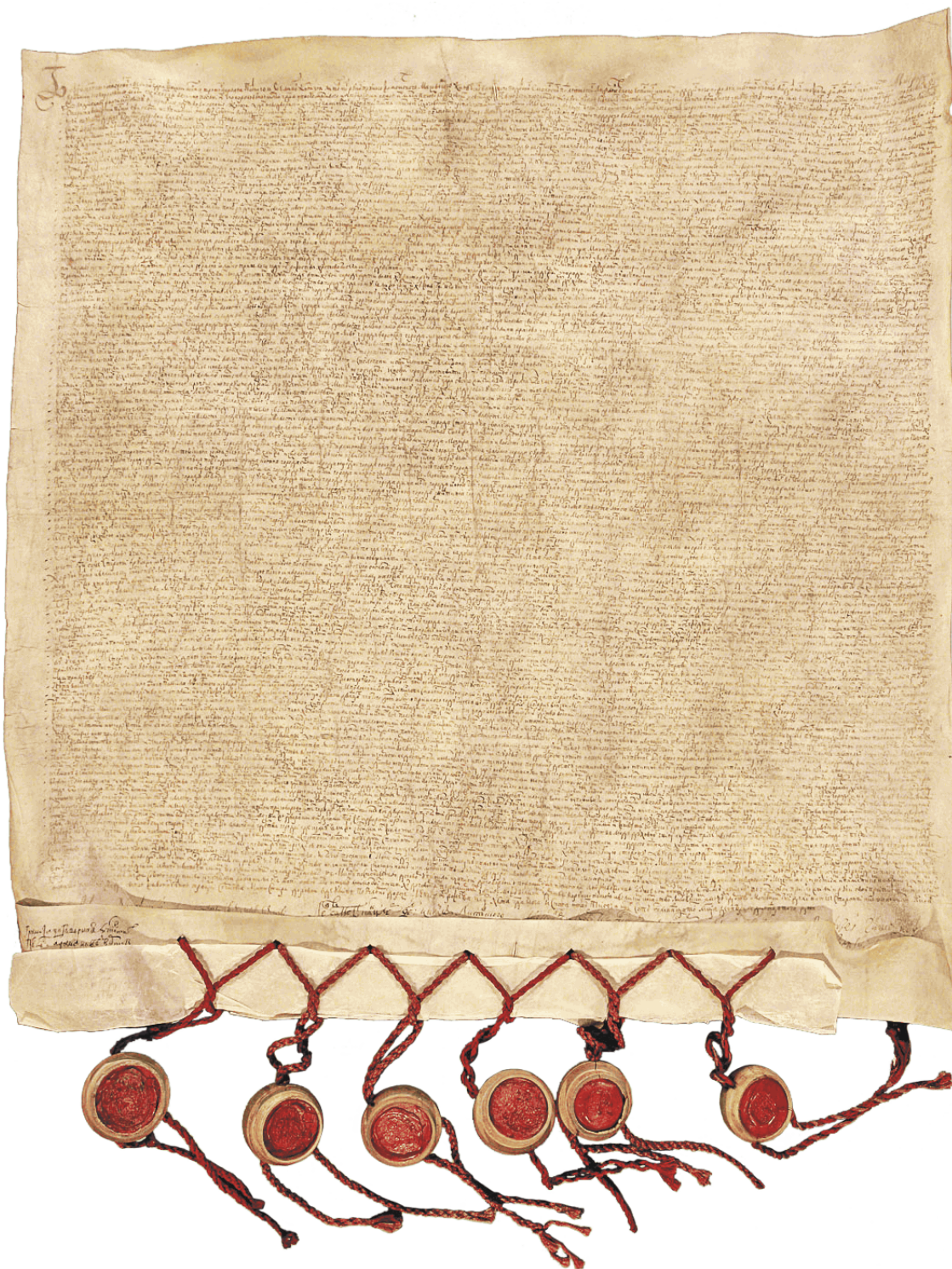
Владислав не потерялся, и Москва уже думала, что возобновляются страшные дни Тушина. Польский король расположился лагерем в том самом месте, где разбил свою палатку второй Лжедмитрий. Но положение не было таким же. Поляки могли тогда войти в Кремль без выстрела, они казались все же лучше Тушинского вора. Владислав же видел необходимость осады, и полная неспособность находящихся под его командою воинов к этому виду операций обнаружилась. Неудачные наступления, суровое время года и неповиновение войск быстро пробили дорогу к новым переговорам.

Когда поляки, желая всячески отклонить затруднение, вызываемое титулами, стали называть Михаила: «кого вы называете теперь вашим царем», соглашение быстро состоялось. Москве был большой расчет пойти на соглашение.

Столица твердо держалась, но члены сейма в Польше были расположены к голосованию за выделение больших субсидий. Конашевич и его запорожские казаки протестовали против мира, донские высказывали желание их поддержать, наконец, повешенный вместе со своею матерью сын Марины, как рассказывали, вышел из могилы, после чудесного спасения, и получил приют у киевских монахов.

Правда, 15 февраля 1619 года в деревне Деулино, по соседству с Троицей, не могло состояться соглашение по поводу условий прочного мира, – было лишь заключено перемирие на четырнадцать с половиною лет. Могло показаться, что Москва заплатила за него очень дорого; со Смоленском, Белым, Дорогобузем и доброй дюжиной других местечек она отдавала всю линию своей защиты на западной границе. И такую цену она даже не добыла отречения Владислава от титула, оспариваемого им у Михаила. Но на деле Польша поте-

рыля значительно больше: для нее была потеряна последняя возможность использовать спор, тянувшийся с шестнадцатого века с ее соседкою, за гегемонию в славянском мире.

Договор между Русским царством и Речью Посполитой от 11 декабря 1618 года о перемирии на 14 лет, заключенный в селе Деулино близ Троице-Сергиевого монастыря. Перемирие завершило войну, длившуюся с 1609 года. Оригинал на пергаменте. Подписан шестью польскими послами с приложением их печатей

Теперь уже становилось ясным, что раз Владислав отступил из Москвы, не добившись наследия Рюрика, Варшава станет однажды добычею других претендентов, которых он оказался не в силах отразить.

Это отдаленное последствие ускользало от предвидения деятелей той эпохи, потому что они не замечали настоящей причины странных поворотов событий, с одной стороны, постоянно мешавших в этом трагическом поединке одной из соперничавших держав собрать плоды самых решительных удач, а с другой стороны, дававших возможность ее конкуренту оправиться после самых тяжких поражений.

Они никак не могли учесть значения сил, пущенных в данном случае в ход: с одной стороны – молодой народ, плохо еще установившийся, но в полном росте, в полном соку, и как по темпераменту, так и по привычкам прошедший самую суровую дисциплину и принесший самые тяжелые жертвы; с другой стороны – нация преждевременно состарившаяся и как бы зачахшая в удушливой атмосфере политической борьбы, где вся ее энергия и все способности совершенно односторонне гипертрофировались, и вместе с мужественной решимостью исчезло и сознание долга.

Первого июля на маленькой речке Поляновке закончился обмен пленными, воротивший Польше лишь несколько калек и отдавший Москве отца ее государя. Четырнадцатого того же месяца, идя пешком впереди праздничного экипажа – саней, на которых, несмотря на время года (таково требование этикета), восседал Филарет, – Михаил торжественно вернулся в столицу освобожденного «заложника».

Что делать с этим священнослужителем? История не дает прецедента такого отца, в клобуке, и коронованного сына. К счастью, после смерти Гермогена, которого поляки будто бы уморили голодом, патриарший престол оставался свободным: Игнатий не принимался в расчет. И Филарет сделался патриархом. Он не получил никакого религиозного воспитания, и вкусы его были довольно светскими. Но даже на Западе в эту эпоху не считались в подобных случаях с такими препятствиями, и Филарет мог идти по стопам Ришелье, хотя и не обладая тем же гением, но вдохновляемый тем же честолюбием. Церковь и государство одинаково нуждались в главе, и последнее не менее первой выиграло от этого события.

Глава II Реставрация

1. Двуглавое правительство

Двуглавый орел, принятый московскими царями после брака Ивана III с последнею из Палеологов, получил в этот момент совершенно другое, непредвиденное, символическое значение. Имея одного лишь царя, государство тем не менее управлялось двумя государями, и отношения, установившиеся с первого же часа между отцом и сыном, поддерживались очень мирно, к общему их благополучию.

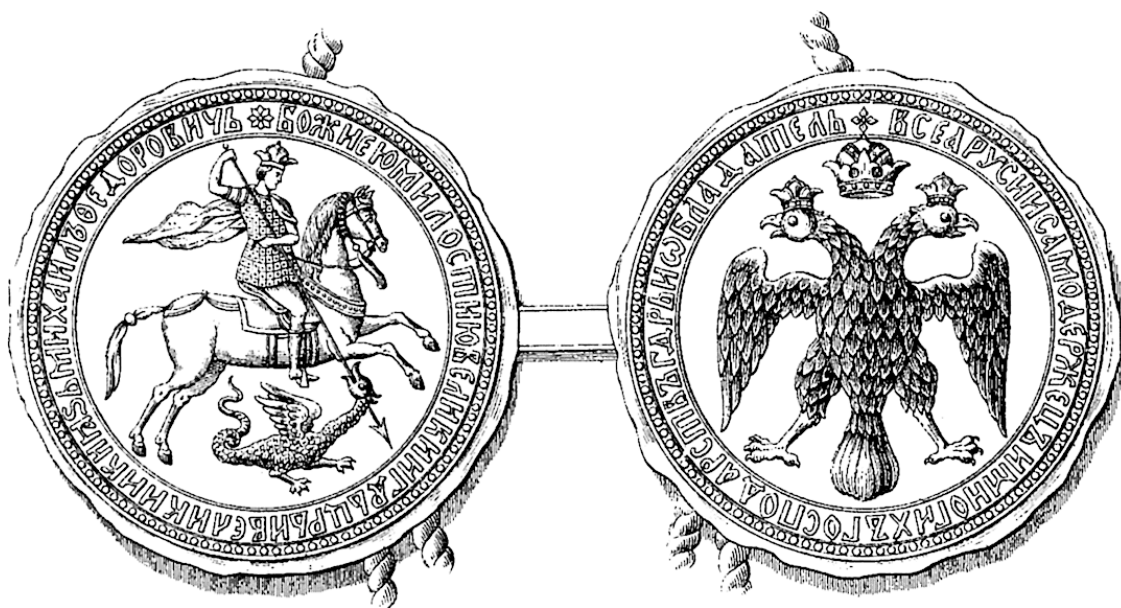
Семейный принцип, так сильно развитый в этой среде и представлявший, несмотря на некоторые эксцессы, особенно ценную моральную связь, устранял всякий конфликт. У Филарета было то, чего недоставало Михаилу, чтобы фигурировать с некоторым достоинством в роли управителя или даже пытаться фигурировать в качестве такового: честолюбие, любовь к власти, жизненная опытность, определенное умение схватывать вещи благодаря той же опытности и чувство авторитета. Бразды правления совершенно естественно перешли в те руки, которые были всего более способны их держать.

Необходимо решительно отбросить возникшую по этому поводу гипотезу о государственном перевороте. Свидетельства эпохи положительно противоречат этому. Тут даже не существовало никакой возможности узурпации власти. Начиная со смерти Грозного, благодаря неизбежным ограничениям, которые самый способ восшествия на престол доставил его преемникам, прогрессивное ослабление самодержавия клонилось чуть не к полному от него отречению. Этой фикции абсолютного самодержавия совершенно парадоксально противопоставлялась такая же фикция свободных учреждений, возникших в эпоху смуты.

И последняя фикция создала между ними пропасть, которую не были в состоянии восполнить ни Собор, ни Дума. В самом деле, необходимо было вновь создать правительство, и так как Михаил и не думал взять на себя подобную задачу, за нее взялся Филарет, подготовив почву для своего внука.

Отношения сына к отцу, отличавшиеся большою нежностью и принявшие характер почтительного уважения, были особенно кстати в данном случае. Они позволяли им даже официально сообща управлять. Отец участвовал в большинстве решений. Если какое-либо из них не встречало его предварительного согласия, оно или отменялось, или исправлялось. Когда Филарет отсутствовал, Михаил сначала всегда спрашивал его мнение, постоянно сообщая ему обо всех текущих делах. «Как ты об этом думаешь?» Писал тогда патриарх: «Помоему...» И данное им указание исполнялось.

Даже в официальном протоколе удваивалась верховная власть и титул «великого государя» – соответствующий «Его Величеству» – одинаково прилагался и к отцу, и к сыну. Иностранные посланники представляли им обоим свои верительные грамоты и свои подарки на основании церемониала, установленного еще Борисом Годуновым в эпоху его власти. А между тем Ришелье так и не смог добиться этого от своего равнодушного государя. Несмотря на изоляцию, в которой обреталась в эту эпоху Москва, нет никакого сомнения, что пример всемогущего кардинала отчасти способствовал установлению этих отношений. Моральная непроницаемость народов, даже наименее поддающихся внешним влияниям, никогда не бывает безусловной.

Малая государственная печать царя Михаила Федоровича

А вдовствующая царица! После нового появления на сцену ее мужа, которого она уже потеряла и не была в состоянии снова заполучить, роль ее оказалась сыгранной. Если бы они не были, по жестокой игре судьбы, перевернувшей все их существование, монахом и монахиней, Филарет отправил бы ее в терем. Став теперь патриархом, он послал ее в монастырь. А вместе с ней пали и ее докучливые родственники, которых она выдвинула вперед, хотя они и более старались защищать завоеванные места свои. Немилость, постигшая Салтыковых, была ускорена скандальной интригой, которой они лишили Михаила невесты, выбранной им. Оказывается, сын даже не мог жениться без вмешательства отца.

2. Брак Михаила

Этот эпизод рисует собою интересную картину нравов той эпохи. В 1616 году молодой царь остановил свой выбор на Марье Ивановне Хлоповой. Семья этой избранницы принадлежала к ряду приверженцев Романовых. Уже было отпраздновано обручение, и по господствующему тогда обычаю будущая царица переменила свое имя на имя Анастасии, напоминавшее жителям Московского государства дорогую им память о первой жене Грозного, как вдруг указом об изгнании несчастную молодую отправили в Тобольск вместе с некоторыми ее родственниками.

В чем была ее вина? Она вдруг заболела, сделалась, по свидетельству придворных врачей, неспособной «служить радостям государя», т. е. виновной, раз провидение считало ее достойной подобной немилости. По тогдашним воззрениям, болезнь считалась Божиим наказанием.

Таково было положение вещей, когда Филарету, вернувшемуся в Москву, вздумалось самому взять на себя разбор дела. Подвергли допросу духовника невесты, и он засвидетельствовал ее полную невинность; другие же указания дали повод патриарху заподозрить неправильность диагноза, по которому осудили царицу. Впрочем, он удовлетворился лишь полуреабилитацией. Хлопову перевели из Сибири, где ей пришлось подвергнуться самым суровым лишениям, в Верхотурье, где она получала на прокормление по десяти копеек в день, а потом отправили в Нижний Новгород.

У отца были другие виды на женитьбу сына. Начиная с 1621 и по 1623 год он возобновил в Копенгагене и в Стокгольме попытки, в которых в прошлом не было ровно ничего утешительного, и только ряд неудач в этом направлении заставил его вновь заняться этим браком, заключенным и расторгнутым в его отсутствие. Розыск показал, что Салтыковы воспользовались простым расстройством желудка, причиненным невесте царя обильно принятой пищей. Один из них, Михаил Михайлович, только что поссорился с одним из дядей молодой девушки. Как он, так и его братья подверглись в свою очередь конфискации имущества и ссылке. Но и Хлопова не осталась в Нижнем Новгороде, благодаря настоянию царицы Марфы, употребившей всю свою энергию и влияние для защиты своих родственников против худшего наказания, которым для них было бы торжество их жертвы. Таким образом, семейная идея властно восторжествовала над всеми прочими расчетами.

И. Е. Репин. Выбор царской (великокняжеской) невесты

В сентябре 1624 года Михаил женился на княжне Марии Долгорукой, но потерял и эту подругу спустя несколько месяцев и повел на следующий год к алтарю дочь одного дворянина темного происхождения, Евдокию Стрешневу. Она вскоре подарила ему сына Алексея.

Таким образом, право наследства было упрочено за новою династией. Но само наследие все еще являлось ненадежным. Правда, от поляков временно избавились, но зато передали им ключи от дома, и у этих соседей, ставших еще более грозными, уже намечалась очень опасная для Москвы перемена царствования. Обуреваемый религиозными сомнениями и чувством ревности, Сигизмунд очень слабо поддерживал предприятия своего сына. Он постарел, и его здоровье быстро клонилось к упадку. Не было никакого сомнения в том, что, наследуя своему отцу, Владислав, как человек воинственный и честолюбивый, страстно любящий ремесло солдата, которому он предавался еще с ранней поры, и очень мало религиозный, не преминет отплатить за свои прошлые неудачи. Стараясь женить Михаила в Швеции или в Дании, Филарет, планировавший непрочную еще судьбу молодой династии, мечтал не только повысить ее престиж, но и заручиться опорой против нового врага. Он совершенно справедливо полагал, что Московское государство, оставшись одиноким, не может противопоставить ему достаточных сил. Потерпев неудачу в области подобных брачных комбинаций, он все же не оставлял надежды хоть на политический союз, и вполне основательно мог льстить себя надеждой, что встретит в этом отношении меньше препятствий. И в этом споре, ополчавшем друг на друга обе половины славянского мира, сама судьба наталкивала противников на призыв иностранца, и этот иностранец, через сто пятьдесят лет, в самую решительную минуту в самом деле вмешался в их спор – чтобы неправильно его решить.

П. Ф. Борель. Евдокия Лукьяновна. Литография. Акварель Царица Евдокия Лукьяновна, урожденная Стрешнева – вторая жена царя Михаила Федоровича. Будучи матерью детей первого царя из рода Романовых, Евдокия Лукьяновна является родоначальницей династии

3. Дипломатическая кампания

И чужеземец был далеко не прочь вмешаться в такое дело. Борясь в Польше и Германии против католической коалиции, Густав Адольф дважды, в 1626 и 1629 годах, не брезговал явиться в Москве умиротворителем. Если он и не думал о русской армии, то все же хотел, по крайней мере, присоединить к своим знаменам некоторое количество казаков для борьбы с бандой Лисовского, оказывавшего большие услуги имперцам. Посланники шведского короля сильно торопились с заключением союза. Но Москва, не желая принять участия в борьбе, раздиравшей всю Европу, сама упустила свое счастье. Как только она отказалась нарушить перемирие с Польшею и открыто вмешаться в военные действия, Ришелье сейчас же создал образец «скрытой войны», вмещавшей в себя массу удобств и выгод.

У московского Ришелье, пытавшегося идти подобным же путем, не хватало для этого смелости и решительности. Увильнувшись сначала от этих предложений, он в 1631 году был склонен принять их, однако Густав Адольф тогда уже заключил договор с Польшею. Тем не менее переговоры продолжались. Швеция уполномочивала для них поочередно случайного дипломата, москвитина Александра Рубеца, или Рубцова, попавшего к ней на службу после одиннадцатилетнего плена в Польше; потом одного немца, Иоганна Мюллера, который был первым ее постоянным резидентом в Кремле. Отказываясь до сих пор от предлагаемого союза, здесь, однако, не теряли времени: деятельно готовились к войне и уже говорили о том, что ее необходимо объявить Польше немедленно. Мюллер ответил на это предложением двух шведских полков и просил изволения набрать несколько других среди днепровских казаков.

В свою очередь Густав Адольф рад был воевать под сурдинку. Однако было уже слишком так распорядиться чужим добром. Днепровские казаки зависели от Польши, которая едва могла держать в руках это буйное братство, все же удерживая его от покушений на измену. Шведские и московские вербовщики были выпровожены, рискуя своею жизнью в подобных попытках, а немного спустя смерть победителя при Люцене положила конец всему предприятию.

Но и стучась при этом в другие двери, московская дипломатия не была удачливее. Еще до Деулинского перемирия она вытянула из Англии заем в сто тысяч рублей, превратившийся в двадцать тысяч благодаря мошенничествам посредников. А в 1623 году она хвастливо заявляла, что вовлечет своих кредиторов в обширную антипольскую коалицию, в которой должны были участвовать вместе со Швецией и Данией также Нидерланды, но добилась в результате лишь града унижительных насмешек.

Эта дипломатия шла еще ощупью и легко сбивалась с плохо проторенных путей. Так, в 1615 году, посылая во Францию Ивана Кондырева, она думала снискать помощь правительства Кончини против Польши и Швеции. Но ни маршал Анкрский, ни его преемники даже не подумали отвечать на подобное предложение; сам Ришелье несколько не торопился, и только в 1623 году первый француз, предназначенный для вручения слов Всехристианнейшего короля отдаленному северному двору, получил верительные грамоты. То был барон Людовик де Курменен из Гааги, сын губернатора Монтаржи. Будучи сначала пажем, потом метрдотелем Людовика XIII, начиная с 1621 года посылаемый для различных поручений в Данию, Германию, Пруссию, этот молодой дипломат – ему было в то время всего тридцать семь лет – кончил плачевно. Страстно честолюбивый, он мечтал о месте шведского посланника, которого не получил, ударился в интриги, близкие к государственной измене, и кончил на эшафоте.

В Москве он сыграл довольно жалкую роль. Ришелье был не прочь соединить против Польши, союзницы императора, с враждебным им лагерем и Московское государство. Но французский посланник неловко ввязался в детский спор об этикете и сделал еще

более неудачный шаг, показав, что ему диктовало предложения духовное лицо. Казалось, он исключительно имел в виду организовать исповедание католического культа в столице православия. У него было на уме нечто совершенно другое, но, оскорбляя, с одной стороны, весьма законную обидчивость, он, с другой стороны, натолкнулся на стену предрассудков, рутины и частных интересов, обрекавших его миссии на неизбежное крушение.

Филипп де Шампань. Портрет Армана Жана дю Плесси, герцога де Ришелье. 1636 г.

Ришелье шел всячески навстречу союзникам, которых надеялся заполучить к себе против австрийского дома. Взамен оборонительного и наступательного союза он требовал лишь экономических сделок, одинаково выгодных обеим сторонам. С одной стороны, Франции улыбалась дорога в Персию, зато Московское государство получит возможность непосредственно пользоваться французскими товарами, в которых оно начало понимать толк, тогда как посредники английские, голландские или брабантские наживали на их цене значительные куртажи.

К несчастью, московские купцы все держались за свою персидскую монополию, от которой, впрочем, не имели большой выгоды, а с другой стороны, коммерческие соперники Франции, вступив в отчаянную борьбу, все соединились против общего врага для защиты приобретенного ими положения. Нидерланды предупредительно согласились бойкотировать польский порт Данциг, они были готовы торговать преимущественно с Архангельском, и польский король потеряет в год до ста тысяч экю. Против этой комбинации поднялась английская монополия, но Курменена тем не менее не выпроводили.

Одно время, за неимением лучшего, был уже на пути к осуществлению союз с Данией, и оба правительства уже готовы были обменяться грамотами, как в дело опять вмешался этикет. Ссылаясь на привилегию, приобретенную его шведским соседом острием меча, датский король требовал, чтобы и его имя было написано в трактате прежде имени царя. Это затруднение окончательно сгубило союз, уже наполовину заключенный, и царь, гордясь своим величием и не желая уступить такому ничтожному государю, остался лицом к лицу с «венгерским королем», т. е. сделался жертвою простой мистификации. Этим «венгерским королем» был Бетлен Габор.

В Москве не имели точных сведений о путаных спорах этого претендента с австрийским домом, как и о том, выйдет ли он победителем из борьбы, и потому оказали пышный прием обоим его посланникам, случайно бывшими французами: Шарлю де Талейрану, маркизу Асседевильскому, и Жаку Русселлю. Но, постоянно ссорясь друг с другом и обвиняя один другого, они сами дискредитировали свое дело. Маркиза водворили в Костроме, где Габор не мог уже оказать ему никакой помощи, так как скоро умер.

Ришелье, казалось, остался равнодушен к авантюре, которой он, быть может, и был чужд. Граф Суассонский, желая выручить пленника из этого скверного положения, не был в состоянии в 1632 году придумать другого средства, как просить вмешательства Карла I и Генриха Нассаусского, но и старания последних при посредстве другого француза, Гастона Шаронского, тоже остались без всякого результата. Только в 1635 году добилось лучшего успеха посольство Людовика XII.

GABRIEL BETHLEN D. G. PRINCEPS TRANS.
SYLVANIÆ, PART. REGNI HUNGARIÆ DOMINVS
ET SICVLORVM COMES, ETC,

Габор Бетлен – руководитель антигабсбургского движения в Венгерском королевстве, князь Трансильвании в 1613–1629 годах, король Венгрии в 1620–1621 году

Но Москва все еще не имела союзника в борьбе, которую она должна была считать близкой и неминуемой. Даже от Турции она не могла ничего ожидать. Осман II предложил ей в 1621 году действовать сообща против Польши, но Филарет не считал себя достаточно подготовленным. Страна после перенесенных страшных испытаний была еще настолько слабой, что даже крымские татары разоряли безнаказанно мелкими отрядами юго-восточные области. Тогда Осман сам предпринял уже одну неудачную кампанию. На возвратном пути он был убит своими же янычарами, и Порта, погрузившись в омут внутренних беспорядков, некоторое время оставалась бессильной.

Аббас I Великий – шах Персии, крупный реформатор и полководец. При Аббасе Сефевидское государство достигло наибольшего расцвета и могущества, простираясь от реки Тигр на западе до города Кандагар (Афганистан) на востоке

Из Европы Московское государство, таким образом, еще раз было отброшено в Азию. Но и в Персии Аббасу приходилось по временам жаловаться на обращение с его послами. Хотя в Кремле и считали нужным терпеть некоторых иностранцев, их всегда рассматривали или как шпионов, или как заложников. На этот счет не принимались никакие обоюдные отношения. В 1620 году совершенно случайно посланник царя в Тегеран, Тюхин, услышал в своем присутствии оскорбительные отзывы о своем государе. И ему по возвращении дали

за это семьдесят ударов кнутом, жгли его тело раскаленными щипцами, и он должен был считать себя счастливым уже тем, что на всю жизнь был брошен в сибирскую тюрьму.

Тем не менее царь и шах оставались добрыми друзьями, и в 1625 году посланник Аббаса, Руссан-бек, вызвал в Москве целую бурю радости, привезя с собою если не средства победить Польшу, то по крайней мере залог такой победы: хитон Господень, найденный в Грузии! Так как подлинность реликвии была доказана происшедшими вокруг нее чудесами, то в Москве надеялись получить от щедрого дарителя более существенную помощь. Но увы! Вместо нее князь Григорий Тюфякин привез с собою лишь прекрасную персиянку, спрятав ее в чемодане.

Тогда в Москве окончательно убедились, что в предстоящей борьбе придется рассчитывать лишь на свои собственные силы, и потому там ясно осознали полную необходимость основательной реорганизации всего военного дела.

4. Опыт военной реформы

Архаическая как по способу набора рекрутов, так и по своему снаряжению масса польской армии, состоявшая исключительно из конницы «посполитного рушения», все же заимствовала более передовые способы боя, взятые из иностранных образцов или выработанные на месте.

Еще начиная с Батория, придумавшего тактику, доказавшую свое превосходство даже в борьбе со шведами, эту кавалерию сверх того подкрепляла пехота, набранная по большей части в Германии или Венгрии, обученная и вооруженная по-европейски и всё более и более многочисленная. К чести царствования первого Романова нужно отнести и то, что он вдохновился этим примером и взял на себя инициативу в создании новой русской армии с 1626 по 1632 год.

В то самое время, как им были посланы вербовщики на запад для найма пяти тысячи человек пехоты, для приглашения на царскую службу литейщиков пушек и для закупки оружия, московские солдаты методически обучались иностранными инструкторами. В этом новоиспеченном войске уже фигурировали в первый раз местные всадники, вооруженные по германскому образцу, и местные стрелки, обученные по способу, практикуемому в полках наемной шотландской пехоты.

«Немецких полков мушкетер в XVII столетии». Иллюстрация из книги «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», под ред. А. В. Висковатова

Известно, что во Франции первый опыт организации постоянной армии относится к эпохе Карла VII, и уже в XII веке замечается тенденция на Западе не брать к себе иностранных наемников. Вступив на путь прогресса, Москва все же, как видно, отстала и, как и во Франции, ее попытка натолкнулась на большие денежные затруднения. Так, в один год от сентября 1632 до сентября 1633 года иностранные наемники поглотили 430 606 рублей, тогда

как для контингента почти в двадцать раз большего из туземной милиции издержки равнялись лишь пятой части этой суммы.

Усилия делались чрезвычайные, хотя они и не были немедленно же вознаграждены. Народ, от которого их требовали, казалось, был создан для бесплодных жертв и долготерпения. В том-то и состоит заслуга Михаила и его преемников, что они не отошли от принятого пути, несмотря на самые расхолаживающие неудачи. Настойчивость среди превратностей судьбы составляла половину гения Петра Великого: его дед, хотя и более скромный, тоже не поддавался неудачам, способным обескуражить самых сильных людей.

Впрочем, ни он, ни Филарет не были в состоянии учесть истинную цену произведенного ими военного улучшения. Новизна заставила их ошибиться насчет его значения.

Сначала боясь помериться с Польшею, они теперь стали страстно желать войны с нею и, несмотря на целый ряд одновременных дипломатических неудач, шесть лет, от 1626 до 1632 года, для них были наполнены неким лихорадочным ожиданием стечения благоприятных обстоятельств для объявления задуманной войны.

По какому-то странному настроению, обличающему как слабость мысли обоих правителей, так и силу их иллюзий, событие, доставившее им этот благоприятный случай, первоначально наполнило их душу страхом. В апреле 1632 года умер Сигизмунд, и хотя Владислав и имел полную возможность неоспоримо наследовать ему, но призрак выборов, предписанных конституционным уложением страны, неизбежное установление междуцарствия, рост сопровождающей его обыкновенно анархии – все, казалось, обеспечивало успех неожиданному нападению. Быстро был созван Собор. Он тоже был убежден в необходимости войны, и новую армию призвали немедленно доказать свою пригодность.

Но и в самом Московском государстве было немало непорядков. Призванные исполнять главное начальство над армией, князья Димитрий Черкасский и Борис Лыков поступили так же, как это сделали восемнадцать лет тому назад Хованский и Хворостинин. В Москве потеряли ровно два месяца, чтобы уладить их ссору, но, не достигнув ничего, стали искать им преемников и остановили свой выбор только в августе на Михаиле Шеине и на Артемии Измайлове. Шеин уже прославился защитой Смоленска против поляков и был поэтому назначен занять снова это место. В войске, находившемся под его начальством, было 32 970 человек и сто пятьдесят восемь пушек, 3667 человек германской или шотландской пехоты и 3330 человек московской пехоты, снаряженной по германскому образцу. К нему должно было подойти значительное подкрепление из милиции, сконцентрированной в Можайске и в других местах.

5. Смоленская катастрофа

Кампания началась блестяще. Захватив последовательно Серпейск, Дорогобуж, Стародуб и другие места, Шеин и Измайлов осадили в декабре Смоленск.

Однако польский комендант не уступал по мужеству и по упорству своему московскому предшественнику и так долго выдерживал осаду, что Владислав успел за это время добиться избрания, употребить на быстрое вооружение сбережения, оставленные его отцом, вообще отличавшимся бережливостью, и явиться с 23-тысячной армией на помощь осажденным, продержавшимся уже восемь месяцев.

Шеин был храбрым солдатом, но весьма посредственным генералом. Когда польская армия стала маневрировать с целью выбить его из занятой им удобной позиции, он не был в состоянии противопоставить ей никакой оборонительной тактики. В первые дни сентября он допустил ее захватить высоты и господствовать над ним, а в конце месяца она взяла в тылу московского войска Дорогобуж, где у Шеина был обоз. Через еще несколько дней Шеин был уже окружен и остался без провианта и фуража, в то время как польская артиллерия обстреливала его лагерь метким навесным огнем. Это был настоящий прообраз будущих событий при Ульме и Седане.

Развязка, впрочем, наступила не быстро: восточная медлительность затягивала дело и с той, и с другой стороны. Но в то время как поляки, подражая эпическим военным хитростям Илиады, употребляли переряженных посланцев для сообщения с осажденными, москвитянам стала давать себя знать плохая дисциплина их чужеземных наемников. Шотландец Лесли убил перед всем советом офицеров из пистолета другого полковника, англичанина Сандерсона. Новая военная организация на опыте обнаруживала серьезные недостатки.

В середине января 1634 года Шеин вступил в переговоры с поляками и капитулировал девятнадцатого февраля на условиях, предложенных ему его противниками. Они были суровы и унижительны, но совершенно соответствовали обычаям эпохи, не представляя ровно ничего бесчестного для страны, где существует пословица «Стыд не дым, глаза не выест» и где власти, подчиняя своих подданных унижительному обращению, совсем не развивали у них особенной чуткости в этом отношении. Побежденные оставили врагу весь свой боевой материал вместе со знаменами и торжественно повергли его к стопам победителей.

Капитуляция осадной армии Михаила Шеина перед королем Владиславом IV. Около 1634 года

Филарет уже не был свидетелем поражения, хотя болезнь, преследовавшая его вплоть до смерти, случившейся первого октября 1633 года, несомненно, находилась в связи с разочарованием, в которое его повергло крушение его смелых планов. Напрасно Шеин ждал обещанного ему подкрепления из Москвы, а Михаил выказал непомерную строгость к старому генералу. Не считаясь с его прежними заслугами, он приказал его схватить и осудить на смерть вместе с Измайловым, а его подчиненных щедро угостить ударами кнута и подвергнуть изгнанию.

Медаль в честь взятия Польшей Смоленска в 1634 году

Эти репрессии были совсем не справедливы уже потому, что как ни плачевна была катастрофа, она не имела тех последствий, которых боялись. Еще один раз Польша выказала то радикальное бессилие, в которое ее повергло разложение ее политического организма, бессилие, мешавшее ей собирать плоды побед, прежде одержанных ею благодаря ее военным доблестям. Победители утомились раньше побежденных, и Владислав, вместо того чтобы идти на Москву, принялся за переговоры.

Договор был заключен в Поляновке, как раз в том месте, где раньше был освобожден Филарет. 17 мая 1634 года стороны согласились на условия вечного мира, и в вознаграждение за одну из самых решительных удач, известных в военных анналах истории, Владислав удовольствовался лишь третьестепенным местечком Трубчевском, которое было прибавлено к его прежним приобретениям.

Так как Турция обнаруживала в это время агрессивные стремления, он почитал уже за счастье, что ему, таким образом, удастся направить на нее все свои силы, а так как финансы его истощились, то ему было в высшей степени приятно получить двадцать тысяч рублей из московской казны. Эта сумма не была упомянута в документе, и король, постоянно нуждавшийся в деньгах, мог употребить их на свои личные издержки.

Эти условия содержали вместе с тем его отказ от притязаний на московский трон после целого ряда тщетных просьб о том, чтобы Михаил перестал приписывать себе титул «государя всея России». Пусть он ставит «своей России», говорили совершенно справедливо поляки, так как, присоединив к Белоруссии также Красноруссию и Малороссию, они наследовали почти целиком вотчину Ярослава и Владимира. Не добившись этого, они довольно бесчестно отказались от возвращения оригинала другого документа, по которому в 1610 году Жолкевский добыл Владиславу корону, носимую теперь Михаилом. Бумага эта пропала, уверяли они. Таким образом, ядро новых близких конфликтов продолжало быть налицо.

В данную минуту в Москве склонялись, однако, к тому, чтобы избегать всяких конфликтов в области внешней политики, где она пользовалась такою ничтожною удачею. В этой стране уже хорошо освоились с политикой сосредоточивания своих сил. Обострились отношения с Турцией, благодаря казакам и татарам, сторожевым псам, которых трудно было держать на привязи.

С той и другой стороны сваливали ответственность друг на друга и одинаково плохо верили один другому. К этим иррегулярным войскам относились как к разбойникам, засыпая их, однако, субсидиями и поощрениями. Донские «бандиты» очень плохо понимали подобную дипломатию, и в июне 1637 года, когда для улаживания дела условились пригласить представителей обеих стран, они быстро положили конец переговорам, умертвив турецкого посланника, Фому Кантакузена, и захватив Азов после отчаянной рукопашной битвы.

Занятый в это время войною в Персии, султан Мурад принялся тем не менее мстить за это оскорбление, науськав, в свою очередь, крымских «бандитов», которые, начиная с сентября этого года, предавали огню и мечу всю московскую Украину. В мае 1641 года преемник султана, Ибрагим, явился под Азовом с огромною армией, но позорно отступил после двадцати четырех штурмов, отбитых горстью казаков, которым помогали их жены. Тогда опять произошла та же комедия; геройские защитники получили из Москвы поздравления и подарки, но, как было упомянуто выше, несмотря на единогласное решение Собора, было постановлено в Кремле эвакуировать это место. Что и было исполнено.

На это решение повлияли известия из Польши. Они заставляли опасаться, что, хотя диадема Рюрика и защищалась, несмотря на катастрофу в Смоленске, с успехом против Владислава, все же она сидит не особенно крепко на голове Романовых.

6. Появление новых претендентов

Еще в 1619 году поляки упоминали с задней мыслью о сыне Марины, спасенном от смерти. Посланный в Варшаву в 1643 году, под предлогом урегулирования границ, князь Алексей Львов получил поручение собрать об этом сведения и разоблачить субъекта, который, пробыв долго у днепровских казаков под именем Димитрия, пробрался потом в Польшу, выдавая себя за сына царя Василия Шуйского. В Москве ходили слухи, что другая такая же загадочная личность уже пятнадцать лет держится в запасе поляками в качестве предполагаемого претендента и живет в иезуитском монастыре в Бресте.

Объяснения, данные на этот счет Львову, были мало успокоительны. Предполагаемый сын Василия, говорили ему, втерся в дом государственного казначея, Яна Даниловича, велевшего его после опроса избить кнутом и выгнать, причем было неизвестно, что случилось с этим авантюристом. Ученик же брестских иезуитов был простым крестьянином, которого ради шутки прозвали царевичем, и он совсем и не думал воспользоваться этим титулом. Продолжая настаивать, посланец получил сведения, что этого крестьянина некоторое время величали сыном Марины. Затем он узнал еще более, обратившись к первому воспитателю мнимого царевича, игумену монастыря в Пинске, Афанасию Филипповичу, будущему ревнителю православия, принявшему потом за него венец мученичества. Воспитанника, отнятого у него иезуитами, по его словам, звали Яном Лубою. Его отец, подляхский дворянин, умер в Москве, во время польской оккупации, и ребенок, приведенный в Польшу, был принят лиговским канцлером Львом Сапегою. Мальчик был очень красив и в самом деле предназначен играть роль претендента.

Дело становилось серьезным, и Львов стал энергично настаивать, чтобы мнимый царевич или был выдан ему, или немедленно казнен в Польше. После целого года утомительных переговоров он должен был удовлетвориться выходом, призванным дать повод к новым осложнениям: Лубу прикомандировали к польскому посольству, которое должно было ехать в Москву, и Львов был убежден, что самозванцу уже оттуда не удастся вырваться.

Он не принял в расчет энергии посланника Гавриила Стемпковского, который, ссылаясь на очевидную невинность своего протеже, человека ограниченного и совсем не склонного к приключениям, был готов защищать его в случае необходимости даже с оружием в руках. Михаил и его советники совсем не думали доводить дело до подобной крайности, так как их втянули в новую и очень неприятную распря, а вмешательство Польши только увеличило бы смуту. Они снова необдуманно увлеклись химерой семейных связей на Западе, которая, начиная с Бориса Годунова, являлась источником стольких неприятностей. Даже память о них вызывала неприятные чувства. Принужденный сам удовольствоваться более скромными связями, сын Филарета задумал найти более блестящую партию для своей старшей дочери, Ирины, и снова обратил свое внимание на Данию.

7. Обручение царевны

В 1641 году Михаил принимал датское посольство, во главе которого стоял сын короля Христиана IV. То был принц лишь полуцарственного происхождения, родившийся от мorganатического брака этого государя с графиней Монк. Тем не менее к нему в Москве отнеслись как к сыну королевской крови, решив, что он подходящая партия для Ирины. Принц Вальдемар даже и не мечтал жениться в Московском государстве. Он преследовал лишь интересы коммерческого характера, но его искания в этом отношении были отклонены ввиду неудачи, испытанной недавно при аналогичной сделке. Настоятельная нужда в финансах заставила Михаила заключить договор с одной голштинской компанией, которая, за ежегодный взнос 600 000 экю, получила ту привилегию торговли с Персией, которой так тщетно добивалось столько других соискателей. Но она обанкротилась и прекратила платежи. Вальдемар воротился домой ни с чем, но следом за ним были посланы самые искусные дипломаты, которых только можно было найти в Кремле, чтобы добиться согласия Христиана на брак принца с царевной.

Ввиду рисовавшейся блестящей перспективы король мог считать себя только польщенным подобным ходатайством, но условия предлагаемого брачного союза показались ему неприемлемыми. Вальдемару предлагали переменить веру, и по тому приему, который им был сделан, посланники могли понять, как глубоко они оскорбили чувства этого принца, преданного протестантизму. У послов был приказ отказать ему, показать «личность», т. е. портрет Ирины. Известно, что в Московском государстве той эпохи, как и теперь еще водится на Востоке, супруг может видеть супругу в первый раз, только переступив порог брачной спальни. Московиты той эпохи вообще не соглашались позволять рисовать или раскрашивать свои изображения из опасения колдовства. Однако в данном случае никто и не поинтересовался «личностью» царевны.

Михаил заупрямился и при посредстве маклера, жившего несколько лет в Московском государстве в качестве коммерческого агента Дании, Петра Марселиса, пошел на уступки: Вальдемару обещали в приданое Суздальское и Ярославское княжества и свободу в деле религии. Христиан, желая устроить сына, польстился на приманку, но на этот раз заупрямился уже сам молодой принц. Все виденное им в Москве совсем не прельщало его вернуться туда, а тем более устроить себе в этой стране постоянное местопребывание. Марселис убеждал его изо всех сил, говоря, что все обойдется благополучно. Он, мол, отвечает своею головою.

«На что мне твоя голова?» – возразил ему Вальдемар.

Юстус Сустерманс. Портрет принца Вальдемара. XVII в.

Однако он должен был уступить отцовской воле и, получив самые формальные уверения в уважении к его вере, также как и обещание соорудить храм, в котором он мог бы свободно исполнять предписания протестантизма, он в декабре 1643 года явился на границе своего нового отечества со свитой в триста человек. Он мог лишь похвалиться оказанным ему приемом; только на одной станции любители экзотической роскоши похитили украшения с его кареты. Не успел он водвориться в Кремле, как патриарх Иосиф (преемник Филарета после Иоасафа) поднес ему еще более неприятный сюрприз, просто-напросто пригласив его приготовиться войти в лоно «истинной церкви». Вальдемар указал на условия, заключенные

в Копенгагене. Пришлось вмешаться Михаилу. Правда, уговор гласил, что принц сохранит на этот счет полную свободу действий, но отец последнего уже успел написать, чтобы сын его подчинился воле будущего тестя. А она заключалась в том, чтобы жених Ирины перешел в православие.

Вальдемар тем менее был склонен последовать такому аргументу, что ему был на руку всякий предлог порвать ненавистный для него союз. Тщетно ему расхваливали прелести царевны. Он мог убедиться в этом, только став ее мужем, и должен был верить на слово, что невеста отменно прекрасна и по своему образованию совсем не походит на других русских девушек. Никогда она не упивается допьяна. Скромная и разумная во всем, всю жизнь она ни разу не была пьяна!

На памятнике «Тысячелетие России» слева – царь Михаил Федорович, в центре – царь Алексей Михайлович. Великий Новгород

Несмотря на все эти лестные перспективы, мятежный жених боролся пять месяцев, желая добиться отставки. Потеряв, наконец, терпение, он в мае попытался бежать, пробивая себе дорогу со шпагой в руке, но был лишь избит, убив одного стрельца. Христиан IV снарядил после этого два последовательных посольства, чтобы добиться или совершения брака соответственно уговору, или возвращения принца, но и они не имели успеха. В дело вмешалась и Польша, боясь распри с Данией, сблизившей бы Москву со Швецией, и Вальдемар пошел на уступки. Он согласился на то, чтобы его дети сделались православными, и обещал соблюдать православные посты настолько, «насколько ему позволит его здоровье». Михаил не хотел ничего слушать и до самой смерти так и не уладил этого дела.

12 июля 1645 года Михаил скончался от разрыва сердца. Единственному оставленному им сыну, Алексею, было шестнадцать лет.

Царствование первого Романова нельзя причислить к блестящим эпохам истории русской нации, и его личность не фигурирует в ней с особенным блеском. Тем не менее это царствование, благодаря главным образом Филарету, оберегавшему страну от непоправимых катастроф и ведшему ее по пути лучшего будущего, знаменует собою период возрождения,

значение которого не оценено достаточно и до сих пор. Оно было во всех отношениях эпохою реставрации.

8. Реставрация

Такое определение не преувеличено. Правление Михаила или скорее Филарета, так как и после смерти отца сын лишь шел по его стопам, обозначает, прежде всего, решительный возврат к традиции в вопросе о верховной власти. Впрочем, аристократия уже была не в состоянии разделять с царем власть по старой официальной формуле, уже достаточно поколебленной Грозным. После опричнины Смутное время довело боярство до полного упадка. Среди фамилий, которые могли еще предъявлять свои права на соучастие в правлении, Романовы не имели соперников, Годуновы находились в ссылке, Шуйские и Мстиславские исчезли путем истребления, самые энергичные среди Голицыных только что погибли.

Кроме того, события конца шестнадцатого и начала семнадцатого века только ускорили эволюцию, которую можно было предвидеть в этой сфере с самых древних времен. А в середине пятнадцатого века она уже ясно вырисовывалась в недрах образующегося Московского государства. Рядом с первыми «собирателями земли Русской», их некогда свободные сотоварищи, князья и бояре, не имели уже средств для восстановления прав, постепенно утраченных вместе с их самостоятельностью и состоянием. Последнее уменьшалось благодаря раздроблению наследий, а первую они не могли стойко защитить. Их вотчины постоянно становились все меньше, вассальные клиенты, когда-то составлявшие их силу, оставляли обедневших сеньоров. За отсутствием майоратов, великий князь московский стал скоро один владеть значительным количеством земель и, распределяя их между своими слугами (служилыми) в виде пожизненных владений, чего-то вроде уделов (поместий), один он располагал средствами заставить признать свой авторитет, стараясь, естественно, чтобы у него не было никакого соперника.

Для этих служилых людей вопрос о поместье, забота добыть и сохранить за собою благоволение их распределителя царили надо всяким другим интересом. В самый разгар недавнего кризиса обедневшие князья и бояре старались поправить свое положение, навязав хартию Шуйскому. Но, запершись в Москве благодаря восстанию низов, лишенные власти поляками и, наконец, окончательно побитые казаками, они уже были не в состоянии бороться. Честь изгнания поляков и подавления народного бунта выпала на долю хозяев поместий и жителей городов.

Выдвинутые таким образом вперед, оба эти класса могли бы в свою очередь противопоставить всемогуществу государя страшный противовес. Но, не говоря уже о том, что кризис, разоряя их, обессилил их временно, они были разъединены, даже враждовали друг с другом. Городскому населению приходилось всегда жаловаться на воевод и старост, теснивших их и ужасно эксплуатировавших. Они могли находить защиту от них лишь у царя, а эти угнетатели выходили как раз из служилых людей.

Благодаря всем этим причинам молодая династия Романовых, несмотря на свое происхождение и шаткое видимое положение, могла не только поддержать, восстановив вполне, незыблемость самодержавного принципа, но еще и усилить его. Не будучи в состоянии противостоять растущему превосходству Романовых, старая аристократия могла лишь утешаться ревнивым и угрюмым обереганием единственной оставшейся ей привилегии, брошенной как кость голодной собаке, а именно – считаться друг с другом из-за старшинства и первенства. Поэтому, как раз накануне своей отмены, местничество достигло необыкновенного развития.

Мы уже видели, как во время конфликта с Польшею претензии на право главенствующего в двух случаях повредили военным действиям. В присутствии государя, вышедшего из второстепенной фамилии, они были причиною постоянно дерзких, но и постоянно бесплодных споров. И такой характер и остался за ними.

Рынды – оруженосцы-телохранители великих князей московских и русских царей XIV–XVII веков

Так однажды на придворном обеде один из Романовых, дядя правящего царя, уступил первое место Мстиславскому, а второе место у него уже оспаривал Лыков.

На другое утро, когда государь принимал одного иностранного посланника, рынды, обязанные стоять с топорами у трона, отсутствовали из-за подобного же спора, и метрдотель

скорее бы согласился дать отрубить себе руку, чем фигурировать в процессии вместе с камерлакеем, которого он считал недостойным подобного ранга.

Чтобы прекратить такие выходки, даже кроткий Михаил не колебался прибегать к кнуту, но, соблюдая фамильные интересы, бояре охотно предпочитали смерть оскорблению подобного рода в силу царящих принципов, распространившихся на все их родство.

Привыкшие к ударам кнута, они больше боялись другого наказания, считавшегося самым строгим из числа употребляемых обыкновенно государем. Виноватый в нарушении правила местничества выдавался сопернику «с головою». То была совершенно детская церемония: обидчик должен был в сопровождении провожатого отправиться к обиженному. Приведенный к нему, он отвечивал глубокий поклон и уезжал, не имея права сойти с коня или сесть в колымагу во дворе посещаемого им дома, причем вся эта процедура сопровождалась самою грубою бранью.

На деле государи поощряли эти наглые выходки. В них противники употребляли в дело все то, что им оставалось от прежней силы и престижа. Тяжелое положение Михаила заключалось в другом. Аристократия разлагалась, да и в целой стране было положительно нечем жить. Споря о местах, князья и бояре делали упущения в командовании армиями и в начальстве над крепостями, порученными им, а случалось и так, что не над кем им было командовать. В области Новгорода в 1626 году было еще 2752 человека, способных носить оружие, но в Ладого их оставалось едва 289, в Порхове всего только 75 и 70 человек в Старой Русе.

Не было ни солдат, ни денег. Для производства набора и сбора податей, наложенных Собором, были посланы во все стороны бояре с писцами и контролерами или дозорщиками. Они были уполномочены переписать подданных, годных для службы, и расследовать положение плательщиков податей, упорядочивая распределение поместий и устанавливая правильную раскладку налогов. Увы! Всеобщий беспорядок, подкупность приставленных к этому делу чиновников и истощение страны обратили в ничто эти попытки, сделали недействительными расчеты и самые суровые репрессивные меры. Так, один сборщик, посланный в Белозерскую область, оправдывался следующим образом: побивая кнутом чуть не до смерти упорных должников, он некоторое время держал их начеку, но уже ничего не мог поделать, когда появились поляки, даже кнут не давал уже ровно никаких результатов.

Почти в таком же положении находилась Франция после религиозных войн.

До приезда Филарета правительство Михаила было бессильно бороться с такими трудностями. Но в этот момент, к счастью, почувствовался импульс, более энергичный и более искусный, в области внутренней политики.

9. Реорганизация администрации

Еще в июне 1619 года Собор должен был принять ряд важных решений: установление нового инвентаря земель, обремененных налогами, чтобы собрать более или менее оправдываемые опустошениями войны недоимки; меры для возвращения бежавших налогоплательщиков (тяглых), преследование за злоупотребления властью, совершенные «служилыми людьми» в качестве чиновников всякого рода. Создание специального департамента прошений (буквально жалоб против сильных людей, «приказа, что на сильных людей челом бьют»), кажется, явилось результатом этой инициативы.

В то же самое время осознали необходимость установить правильную государственную роспись доходов и расходов, и Москва, таким образом, получила свой первый бюджет.

По поводу же злоупотреблений чиновников было приказано сделать розыск в связи с одновременно выплывшей задачей фундаментальной реорганизации всей провинциальной администрации. Слабость контроля сверху и отсутствие снизу сильных местных коллективов отдавали беззащитных, ими управляемых, людей полному произволу представителей центральной власти, изощрявшихся в невероятных выходках насилия. Как, впрочем, и во Франции, да и в других странах Европы, несмотря на уже ярко выраженную централизацию, административная организация не отвечала определенному типу. Чтобы уменьшить злоупотребления, Иван IV дал полномочие иным обществам самим избирать себе правителей.

Но этот зародыш самоуправления не имел общего применения. В силу ли своей беспечности, или по недоверию, общины местами сами уклонялись от этой привилегии, и, отдав среди кризиса главенство военной диктатуре воевод, избранные власти почти отсутствовали, особенно пострадала их уголовная юрисдикция, выполняемая губными старостами.

Отсюда усилились беспорядки и лихоимство, особенно в отдаленных местах. Так, в Мангазее в Сибири двое воевод, Андрей Палицын и Григорий Кокорев, запятнали себя целым рядом гнусностей, причем один из них отличался тем, что прикарманивал подати, собираемые под аккомпанемент палочных ударов, а другой заставлял своих подчиненных пьянствовать ежедневно в его собственном кабаке. В 1621 году был послан общинам циркуляр, запрещающий вымогать магарычи и неправильную барщину, но результат можно было заранее предвидеть, и в 1627 году поворот в сторону политики Грозного усилил власть губных старост, так что в их руках теперь сосредоточилось постепенно все местное управление.

К несчастью, помощь со стороны заинтересованного населения еще отсутствовала. Некоторые области и города, как и раньше, мешкали приступить к подобной организации, другие гнушались ее, утверждая, как это было с Дмитриевым и Кашиным в 1644 году, что администрация воевод лучше. На деле, собственно говоря, свободный выбор властей был почти фиктивным в большинстве случаев отчасти потому, что центральная власть вмешивалась и нарушала принцип этого института, отчасти потому, что сами избиратели были не способны им воспользоваться. Такое явление имело место и в более близкую от нас эпоху, и в конце концов воеводы одержали победу. Во всех странах, где пустил корни деспотизм, он достигает наибольшей силы и прочности существования, отнимая у подчиненных вкус к свободным нравам, как и необходимое умение воспользоваться последними.

Центральная администрация не могла похвастаться последовательностью в этом отношении. Ей самой было необходимо реорганизоваться, и хотя Михаил и Филарет во многих отношениях столкнулись с совершенно новым положением дел, они тем не менее не замыслили сыграть в этой сфере роль новаторов. Обычную их заботу являлось привести все в порядок, и им казалось наиболее отвечающим этой цели приложение старых формул даже там, где они видели развитие в политической, экономической и социальной жизни страны. Они совсем не коснулись Приказов, удовольствовавшись лишь умножением числа

этих учреждений путем их расчленения и специализации их в каждом отдельном департаменте той или другой группы дел. Эта мера увеличила класс чиновников, уже установленный ранее.

Таким образом, впрочем, и в наши дни в ряде стран зарождаются новые министерства.

Адам Олеарий. Русские крестьяне и крестьянки. XVII век. Гравюра

Но какова бы ни была административная организация Московского государства, местная или центральная, она, сохраняя как организация фискальная классовый характер, породила и другие затруднения. Классы чувствовали на себе общее расстройство. С этой стороны задача разрешения кризиса сводилась к двум различным целям: к правильному распределению территориальных назначений между «служилыми людьми» и к установлению правильных отношений между этими владельцами земли и работниками на этой земле – крестьянами. Большое число служилых не имело с момента кризиса никакого надела; большое число наделных земель было обращено в пустыню, что для их владельцев было равносильно их отсутствию; наконец, большое число казенных земель и других, подчиненных цензу, «черных земель», произвольно были обращены в свободное владение.

Вот на этот-то последний пункт, особенно, конечно, чувствительный с точки зрения интересов государства, и были главным образом обращены усилия Филарета. Известно, как в Швеции, почти в ту же эпоху и при почти тождественных обстоятельствах, «редукция», внезапно произведенная Карлом XI, привела к борьбе, разгоревшейся по этому поводу между государем и дворянством, к временно полному триумфу абсолютизма. Не приняв такой насильственной формы, труды московской ревизии, произведенной с 1629 по 1636 год и кончившейся изданием постепенно принятых мер (Поместное Уложение), однако, имели аналогичную цель.

10. Социальная и экономическая эволюция

Результаты получились не совсем удовлетворительные. Еще в 1633 году дворяне Московской области заявили, что не в состоянии «служить» против поляков, — одни, потому что не имели земель, другие хотя и владели землями, но не находили в достаточном количестве крестьян для их обработки. Но каково должно было быть их достаточное количество? На этот счет получалась огромная разница благодаря противоречивым оценкам. Пятнадцать на долю среднего размера — объявлял Собор в 1633 году. Пятьдесят! — возражали заинтересованные лица на собрании в 1664 году. В ожидании, когда спор будет окончен, был издан закон 1642 года, по которому возобновился кодекс 1550 года, направленный против служилых людей, которые, желая освободиться от своих обязательств, добровольно обращали себя в крепостных!

Обусловливая существеннейшим образом его экономическое положение, вопрос о рабочих руках имел для этого класса огромную важность, но в этом было заинтересовано не менее того и государство, так как оно не могло быть обслужено, если его слугам нечего было есть. Безжалостный закон о рабстве, крепостное право, был результатом этой дилеммы.

Некоторые крестьяне, кажется, с этой поры потеряли право добровольно покидать земли, на которые они были водворены, сделавшись, таким образом, *glebae adscripti*, рабами на деле, если не по названию. Другие продолжали продавать свой труд собственникам по личному выбору, хотя невозможно определить с юридической стороны основания этого различия. Как и в предыдущем веке, этот факт был вызван целым рядом сложных причин, среди которых главное место занимали денежные отношения действующих сторон. До Бориса Годунова крестьянин, оставивший землю, обработанную им для другого, мог быть приведен к нему силою, если до того, как уехать, он не позаботился уплатить авансы или другие долги собственнику. Во время же смуты, благодаря нищете, произведенной ею, эти случаи стали умножаться и в то же время участились захваты крестьян одного собственника другим. Часто, желая укрыться от ответственности, земледельцы, побуждаемые жадной переменой мест, давали себя похищать. Совершенно естественно, что обиженные собственники имели право требовать назад то, что они считали своим имуществом, и вначале неограниченное, потом урезанное в 1597 году, снова расширенное в 1615-м и в 1637 годах к выгоде определенных категорий заинтересованных лиц, это право, таким образом, признанное законом, было обобщено в 1641 году, но ограничено периодом в пятнадцать лет.

Было ли это тем крепостным правом, какое мы знаем? Безусловно, нет, как и то, что Борис не закрепил его путем изданного им указа 1597 года, который хотя и служил объектом особенной ненависти, но преследовал совершенно иные цели. Остались крестьяне, свободно располагавшие своим трудом по истечении срока временно ими заключенного контракта или за отсутствием контракта, вписанного в Писцовые книги. Но постепенно собственники взяли себе привычку отказываться подписывать контракты, если они не были заключены на вечные времена, и ввиду общей нужды эта привычка обратилась в правило.

Оброчные крестьяне «черных земель» временно избавились от этой западни, но вскоре громадное количество всевозможных податей разредело этот элемент, и круговая ответственность общин, та круговая порука, которая еще в наше время возбуждает столь справедливые нарекания, привела к тому, что вызвала среди них общее движение под знаком «спасайся, кто может». Но куда можно было спастись? Удавалось лишь убежать к соседнему собственнику, всегда готовому поймать перебежчиков в петлю рабства по контракту.

В то же время увеличивались случаи уступки и продажи безземельных крестьян. Закон не легализировал эти акты, но он разрешал собственнику земли, на которой крестьянин был убит другим владельцем, требовать возмещения натурою, голову за голову, и можно себе

представить, каким произвольным толкованиям подвергался этот узаконенный компромисс, сначала в обычаях, потом в законодательстве страны, где, смешиваясь с интересами государства, выгода охотников за рабочими руками требовала больших уступок.

Эти факты, вместе с их последствиями, не свойственны исключительно Московскому государству, история этой страны от шестнадцатого до семнадцатого столетия воспроизводит по большей части те экономические и социальные явления, которые дали на Западе, после вторжения варваров, аналогичные последствия. В этом отношении Средние века просто лишь чрезвычайно долго продолжались в империи царей. И эта особенность представляет собой не единственное явление, возбуждающее удивление историка.

Наряду с таким положением крестьян, толкавшим последних к тяжелому будущему, в силу государственной необходимости, в нашем современном мире заменяющей древний фатум, выросла также потребность обратить внимание реставрирующего правительства на условия жизни городского населения. Юридически в первой половине семнадцатого столетия сельчане и посадские кажутся смешанными до такой степени, что их было почти невозможно отличить одних от других: движение и тех и других из города в деревню и обратно, от торговли и промышленности к полевым работам или в другом направлении, было свободно, – и одно только распределение налогов устанавливало между ними чувствительное различие. Крестьянин платил за обрабатываемую им землю, а горожанин – за дом или за занимаемый им двор. Но во многих городах в эту эпоху не было посадских. В Алексине, например, в 1650 году воевода мог указать лишь одного жителя такого рода, да и тот уже умер.

Еще ужаснее, чем деревни, города ощутили на себе влияние Смутного времени и, прибавляя к создавшемуся положению нищеты и ужаса свое разрушающее действие, последние усилия умирающей фискальной системы, умножающиеся злоупотребления жадной и продажной администрации, умножение монополий и привилегий довели городское население, даже в самой Москве, до тридцати трех процентов.

Продолжая еще несколько колебаться и испытывая некоторое раскаяние, Михаил и Филарет должны были все же остаться верными политике паллиативов, которые в обмен на очень проблематичные, как это указывает контракт, заключенный с Гольштинской компанией, выгоды отдавали страну в эксплуатацию иностранцам и тем ставили препятствие ее свободному развитию. В принципе обращение к этим экзотическим пособникам имело свое оправдание: они единственные в то время были способны оценить или даже открыть источники, которые были недоступны «туземцам» или даже не подозревались ими. Но в самом управлении протезируемых таким образом предприятий господствовали ничем не оправдываемые порядки.

Одна оружейная фабрика, существовавшая в Туле с шестнадцатого века, уполномочила в 1632 году голландца Винниуса, ставшего позже компаньоном Марселеса, устроить там отливку пушек и ядер. Оба эти иностранца тотчас же выписали из-за границы огромное количество литейщиков. В 1630 году другой иностранец, Фирмбранд, фабрикант бархата, был уполномочен набрать на Западе годных для этого рабочих. В 1631 году дали субсидии англичанину Франку Гловеру на устройство фабрики бриллиантовых и золотых вещей, где участвовал, случайно, один только русский, Иван Мартынов.

Таким образом, покровительством пользовались военные мастерские и мастерские по изготовлению предметов роскоши, а после смерти Филарета, соблюдавшего на этот счет некоторую предусмотрительность, широко и нерасчетливо открылись двери вторжению западничества, больше эксплуататорского, чем на самом деле продуктивного или полезного. Михаил окружает себя врачами, аптекарями, окулистами, алхимиками, фабрикантами музыкальных инструментов чуть не всех стран.

Одному голландскому мастеру, Мельхарту, он заплатил 2676 рублей за музыкальный инструмент, «заставляющий петь птиц». И хотя швед Кристлер принялся строить каменный мост через Москву-реку, а его соотечественник Коэт заслужил одобрение устройством стеклянного завода, как и Фирмбранд, построивший дубильню шкур, хотя даже русский Христофор Головьев занимался с некоторым успехом работами по гидравлике – все же официальное предпочтение отдавалось рабочим по металлу и искателям драгоценных минералов. Тщетно англичанин Картрайт делал изыскания в окрестностях Москвы; в 1642 году германские изыскатели также потерпели фиаско в окрестностях Твери, и хотя участие в этом принял русский, Борис Репин, но ничего не было сделано для того, чтобы эти экзотические предприятия имели значение.

11. ¹ ² ³ ⁴ ⁵ ⁶ ⁷ ⁸ ⁹ ¹⁰ ¹¹ ¹² ¹³ ¹⁴ ¹⁵ ¹⁶ ¹⁷ ¹⁸ ¹⁹ ²⁰ ²¹ ²² ²³ ²⁴ ²⁵ ²⁶ ²⁷ ²⁸ ²⁹ ³⁰ ³¹ ³² ³³ ³⁴ ³⁵ ³⁶ ³⁷ ³⁸ ³⁹ ⁴⁰ ⁴¹ ⁴² ⁴³ ⁴⁴ ⁴⁵ ⁴⁶ ⁴⁷ ⁴⁸ ⁴⁹ ⁵⁰ ⁵¹ ⁵² ⁵³ ⁵⁴ ⁵⁵ ⁵⁶ ⁵⁷ ⁵⁸ ⁵⁹ ⁶⁰ ⁶¹ ⁶² ⁶³ ⁶⁴ ⁶⁵ ⁶⁶ ⁶⁷ ⁶⁸ ⁶⁹ ⁷⁰ ⁷¹ ⁷² ⁷³ ⁷⁴ ⁷⁵ ⁷⁶ ⁷⁷ ⁷⁸ ⁷⁹ ⁸⁰ ⁸¹ ⁸² ⁸³ ⁸⁴ ⁸⁵ ⁸⁶ ⁸⁷ ⁸⁸ ⁸⁹ ⁹⁰ ⁹¹ ⁹² ⁹³ ⁹⁴ ⁹⁵ ⁹⁶ ⁹⁷ ⁹⁸ ⁹⁹ ¹⁰⁰ ¹⁰¹ ¹⁰² ¹⁰³ ¹⁰⁴ ¹⁰⁵ ¹⁰⁶ ¹⁰⁷ ¹⁰⁸ ¹⁰⁹ ¹¹⁰ ¹¹¹ ¹¹² ¹¹³ ¹¹⁴ ¹¹⁵ ¹¹⁶ ¹¹⁷ ¹¹⁸ ¹¹⁹ ¹²⁰ ¹²¹ ¹²² ¹²³ ¹²⁴ ¹²⁵ ¹²⁶ ¹²⁷ ¹²⁸ ¹²⁹ ¹³⁰ ¹³¹ ¹³² ¹³³ ¹³⁴ ¹³⁵ ¹³⁶ ¹³⁷ ¹³⁸ ¹³⁹ ¹⁴⁰ ¹⁴¹ ¹⁴² ¹⁴³ ¹⁴⁴ ¹⁴⁵ ¹⁴⁶ ¹⁴⁷ ¹⁴⁸ ¹⁴⁹ ¹⁵⁰ ¹⁵¹ ¹⁵² ¹⁵³ ¹⁵⁴ ¹⁵⁵ ¹⁵⁶ ¹⁵⁷ ¹⁵⁸ ¹⁵⁹ ¹⁶⁰ ¹⁶¹ ¹⁶² ¹⁶³ ¹⁶⁴ ¹⁶⁵ ¹⁶⁶ ¹⁶⁷ ¹⁶⁸ ¹⁶⁹ ¹⁷⁰ ¹⁷¹ ¹⁷² ¹⁷³ ¹⁷⁴ ¹⁷⁵ ¹⁷⁶ ¹⁷⁷ ¹⁷⁸ ¹⁷⁹ ¹⁸⁰ ¹⁸¹ ¹⁸² ¹⁸³ ¹⁸⁴ ¹⁸⁵ ¹⁸⁶ ¹⁸⁷ ¹⁸⁸ ¹⁸⁹ ¹⁹⁰ ¹⁹¹ ¹⁹² ¹⁹³ ¹⁹⁴ ¹⁹⁵ ¹⁹⁶ ¹⁹⁷ ¹⁹⁸ ¹⁹⁹ ²⁰⁰ ²⁰¹ ²⁰² ²⁰³ ²⁰⁴ ²⁰⁵ ²⁰⁶ ²⁰⁷ ²⁰⁸ ²⁰⁹ ²¹⁰ ²¹¹ ²¹² ²¹³ ²¹⁴ ²¹⁵ ²¹⁶ ²¹⁷ ²¹⁸ ²¹⁹ ²²⁰ ²²¹ ²²² ²²³ ²²⁴ ²²⁵ ²²⁶ ²²⁷ ²²⁸ ²²⁹ ²³⁰ ²³¹ ²³² ²³³ ²³⁴ ²³⁵ ²³⁶ ²³⁷ ²³⁸ ²³⁹ ²⁴⁰ ²⁴¹ ²⁴² ²⁴³ ²⁴⁴ ²⁴⁵ ²⁴⁶ ²⁴⁷ ²⁴⁸ ²⁴⁹ ²⁵⁰ ²⁵¹ ²⁵² ²⁵³ ²⁵⁴ ²⁵⁵ ²⁵⁶ ²⁵⁷ ²⁵⁸ ²⁵⁹ ²⁶⁰ ²⁶¹ ²⁶² ²⁶³ ²⁶⁴ ²⁶⁵ ²⁶⁶ ²⁶⁷ ²⁶⁸ ²⁶⁹ ²⁷⁰ ²⁷¹ ²⁷² ²⁷³ ²⁷⁴ ²⁷⁵ ²⁷⁶ ²⁷⁷ ²⁷⁸ ²⁷⁹ ²⁸⁰ ²⁸¹ ²⁸² ²⁸³ ²⁸⁴ ²⁸⁵ ²⁸⁶ ²⁸⁷ ²⁸⁸ ²⁸⁹ ²⁹⁰ ²⁹¹ ²⁹² ²⁹³ ²⁹⁴ ²⁹⁵ ²⁹⁶ ²⁹⁷ ²⁹⁸ ²⁹⁹ ³⁰⁰ ³⁰¹ ³⁰² ³⁰³ ³⁰⁴ ³⁰⁵ ³⁰⁶ ³⁰⁷ ³⁰⁸ ³⁰⁹ ³¹⁰ ³¹¹ ³¹² ³¹³ ³¹⁴ ³¹⁵ ³¹⁶ ³¹⁷ ³¹⁸ ³¹⁹ ³²⁰ ³²¹ ³²² ³²³ ³²⁴ ³²⁵ ³²⁶ ³²⁷ ³²⁸ ³²⁹ ³³⁰ ³³¹ ³³² ³³³ ³³⁴ ³³⁵ ³³⁶ ³³⁷ ³³⁸ ³³⁹ ³⁴⁰ ³⁴¹ ³⁴² ³⁴³ ³⁴⁴ ³⁴⁵ ³⁴⁶ ³⁴⁷ ³⁴⁸ ³⁴⁹ ³⁵⁰ ³⁵¹ ³⁵² ³⁵³ ³⁵⁴ ³⁵⁵ ³⁵⁶ ³⁵⁷ ³⁵⁸ ³⁵⁹ ³⁶⁰ ³⁶¹ ³⁶² ³⁶³ ³⁶⁴ ³⁶⁵ ³⁶⁶ ³⁶⁷ ³⁶⁸ ³⁶⁹ ³⁷⁰ ³⁷¹ ³⁷² ³⁷³ ³⁷⁴ ³⁷⁵ ³⁷⁶ ³⁷⁷ ³⁷⁸ ³⁷⁹ ³⁸⁰ ³⁸¹ ³⁸² ³⁸³ ³⁸⁴ ³⁸⁵ ³⁸⁶ ³⁸⁷ ³⁸⁸ ³⁸⁹ ³⁹⁰ ³⁹¹ ³⁹² ³⁹³ ³⁹⁴ ³⁹⁵ ³⁹⁶ ³⁹⁷ ³⁹⁸ ³⁹⁹ ⁴⁰⁰ ⁴⁰¹ ⁴⁰² ⁴⁰³ ⁴⁰⁴ ⁴⁰⁵ ⁴⁰⁶ ⁴⁰⁷ ⁴⁰⁸ ⁴⁰⁹ ⁴¹⁰ ⁴¹¹ ⁴¹² ⁴¹³ ⁴¹⁴ ⁴¹⁵ ⁴¹⁶ ⁴¹⁷ ⁴¹⁸ ⁴¹⁹ ⁴²⁰ ⁴²¹ ⁴²² ⁴²³ ⁴²⁴ ⁴²⁵ ⁴²⁶ ⁴²⁷ ⁴²⁸ ⁴²⁹ ⁴³⁰ ⁴³¹ ⁴³² ⁴³³ ⁴³⁴ ⁴³⁵ ⁴³⁶ ⁴³⁷ ⁴³⁸ ⁴³⁹ ⁴⁴⁰ ⁴⁴¹ ⁴⁴² ⁴⁴³ ⁴⁴⁴ ⁴⁴⁵ ⁴⁴⁶ ⁴⁴⁷ ⁴⁴⁸ ⁴⁴⁹ ⁴⁵⁰ ⁴⁵¹ ⁴⁵² ⁴⁵³ ⁴⁵⁴ ⁴⁵⁵ ⁴⁵⁶ ⁴⁵⁷ ⁴⁵⁸ ⁴⁵⁹ ⁴⁶⁰ ⁴⁶¹ ⁴⁶² ⁴⁶³ ⁴⁶⁴ ⁴⁶⁵ ⁴⁶⁶ ⁴⁶⁷ ⁴⁶⁸ ⁴⁶⁹ ⁴⁷⁰ ⁴⁷¹ ⁴⁷² ⁴⁷³ ⁴⁷⁴ ⁴⁷⁵ ⁴⁷⁶ ⁴⁷⁷ ⁴⁷⁸ ⁴⁷⁹ ⁴⁸⁰ ⁴⁸¹ ⁴⁸² ⁴⁸³ ⁴⁸⁴ ⁴⁸⁵ ⁴⁸⁶ ⁴⁸⁷ ⁴⁸⁸ ⁴⁸⁹ ⁴⁹⁰ ⁴⁹¹ ⁴⁹² ⁴⁹³ ⁴⁹⁴ ⁴⁹⁵ ⁴⁹⁶ ⁴⁹⁷ ⁴⁹⁸ ⁴⁹⁹ ⁵⁰⁰ ⁵⁰¹ ⁵⁰² ⁵⁰³ ⁵⁰⁴ ⁵⁰⁵ ⁵⁰⁶ ⁵⁰⁷ ⁵⁰⁸ ⁵⁰⁹ ⁵¹⁰ ⁵¹¹ ⁵¹² ⁵¹³ ⁵¹⁴ ⁵¹⁵ ⁵¹⁶ ⁵¹⁷ ⁵¹⁸ ⁵¹⁹ ⁵²⁰ ⁵²¹ ⁵²² ⁵²³ ⁵²⁴ ⁵²⁵ ⁵²⁶ ⁵²⁷ ⁵²⁸ ⁵²⁹ ⁵³⁰ ⁵³¹ ⁵³² ⁵³³ ⁵³⁴ ⁵³⁵ ⁵³⁶ ⁵³⁷ ⁵³⁸ ⁵³⁹ ⁵⁴⁰ ⁵⁴¹ ⁵⁴² ⁵⁴³ ⁵⁴⁴ ⁵⁴⁵ ⁵⁴⁶ ⁵⁴⁷ ⁵⁴⁸ ⁵⁴⁹ ⁵⁵⁰ ⁵⁵¹ ⁵⁵² ⁵⁵³ ⁵⁵⁴ ⁵⁵⁵ ⁵⁵⁶ ⁵⁵⁷ ⁵⁵⁸ ⁵⁵⁹ ⁵⁶⁰ ⁵⁶¹ ⁵⁶² ⁵⁶³ ⁵⁶⁴ ⁵⁶⁵ ⁵⁶⁶ ⁵⁶⁷ ⁵⁶⁸ ⁵⁶⁹ ⁵⁷⁰ ⁵⁷¹ ⁵⁷² ⁵⁷³ ⁵⁷⁴ ⁵⁷⁵ ⁵⁷⁶ ⁵⁷⁷ ⁵⁷⁸ ⁵⁷⁹ ⁵⁸⁰ ⁵⁸¹ ⁵⁸² ⁵⁸³ ⁵⁸⁴ ⁵⁸⁵ ⁵⁸⁶ ⁵⁸⁷ ⁵⁸⁸ ⁵⁸⁹ ⁵⁹⁰ ⁵⁹¹ ⁵⁹² ⁵⁹³ ⁵⁹⁴ ⁵⁹⁵ ⁵⁹⁶ ⁵⁹⁷ ⁵⁹⁸ ⁵⁹⁹ ⁶⁰⁰ ⁶⁰¹ ⁶⁰² ⁶⁰³ ⁶⁰⁴ ⁶⁰⁵ ⁶⁰⁶ ⁶⁰⁷ ⁶⁰⁸ ⁶⁰⁹ ⁶¹⁰ ⁶¹¹ ⁶¹² ⁶¹³ ⁶¹⁴ ⁶¹⁵ ⁶¹⁶ ⁶¹⁷ ⁶¹⁸ ⁶¹⁹ ⁶²⁰ ⁶²¹ ⁶²² ⁶²³ ⁶²⁴ ⁶²⁵ ⁶²⁶ ⁶²⁷ ⁶²⁸ ⁶²⁹ ⁶³⁰ ⁶³¹ ⁶³² ⁶³³ ⁶³⁴ ⁶³⁵ ⁶³⁶ ⁶³⁷ ⁶³⁸ ⁶³⁹ ⁶⁴⁰ ⁶⁴¹ ⁶⁴² ⁶⁴³ ⁶⁴⁴ ⁶⁴⁵ ⁶⁴⁶ ⁶⁴⁷ ⁶⁴⁸ ⁶⁴⁹ ⁶⁵⁰ ⁶⁵¹ ⁶⁵² ⁶⁵³ ⁶⁵⁴ ⁶⁵⁵ ⁶⁵⁶ ⁶⁵⁷ ⁶⁵⁸ ⁶⁵⁹ ⁶⁶⁰ ⁶⁶¹ ⁶⁶² ⁶⁶³ ⁶⁶⁴ ⁶⁶⁵ ⁶⁶⁶ ⁶⁶⁷ ⁶⁶⁸ ⁶⁶⁹ ⁶⁷⁰ ⁶⁷¹ ⁶⁷² ⁶⁷³ ⁶⁷⁴ ⁶⁷⁵ ⁶⁷⁶ ⁶⁷⁷ ⁶⁷⁸ ⁶⁷⁹ ⁶⁸⁰ ⁶⁸¹ ⁶⁸² ⁶⁸³ ⁶⁸⁴ ⁶⁸⁵ ⁶⁸⁶ ⁶⁸⁷ ⁶⁸⁸ ⁶⁸⁹ ⁶⁹⁰ ⁶⁹¹ ⁶⁹² ⁶⁹³ ⁶⁹⁴ ⁶⁹⁵ ⁶⁹⁶ ⁶⁹⁷ ⁶⁹⁸ ⁶⁹⁹ ⁷⁰⁰ ⁷⁰¹ ⁷⁰² ⁷⁰³ ⁷⁰⁴ ⁷⁰⁵ ⁷⁰⁶ ⁷⁰⁷ ⁷⁰⁸ ⁷⁰⁹ ⁷¹⁰ ⁷¹¹ ⁷¹² ⁷¹³ ⁷¹⁴ ⁷¹⁵ ⁷¹⁶ ⁷¹⁷ ⁷¹⁸ ⁷¹⁹ ⁷²⁰ ⁷²¹ ⁷²² ⁷²³ ⁷²⁴ ⁷²⁵ ⁷²⁶ ⁷²⁷ ⁷²⁸ ⁷²⁹ ⁷³⁰ ⁷³¹ ⁷³² ⁷³³ ⁷³⁴ ⁷³⁵ ⁷³⁶ ⁷³⁷ ⁷³⁸ ⁷³⁹ ⁷⁴⁰ ⁷⁴¹ ⁷⁴² ⁷⁴³ ⁷⁴⁴ ⁷⁴⁵ ⁷⁴⁶ ⁷⁴⁷ ⁷⁴⁸ ⁷⁴⁹ ⁷⁵⁰ ⁷⁵¹ ⁷⁵² ⁷⁵³ ⁷⁵⁴ ⁷⁵⁵ ⁷⁵⁶ ⁷⁵⁷ ⁷⁵⁸ ⁷⁵⁹ ⁷⁶⁰ ⁷⁶¹ ⁷⁶² ⁷⁶³ ⁷⁶⁴ ⁷⁶⁵ ⁷⁶⁶ ⁷⁶⁷ ⁷⁶⁸ ⁷⁶⁹ ⁷⁷⁰ ⁷⁷¹ ⁷⁷² ⁷⁷³ ⁷⁷⁴ ⁷⁷⁵ ⁷⁷⁶ ⁷⁷⁷ ⁷⁷⁸ ⁷⁷⁹ ⁷⁸⁰ ⁷⁸¹ ⁷⁸² ⁷⁸³ ⁷⁸⁴ ⁷⁸⁵ ⁷⁸⁶ ⁷⁸⁷ ⁷⁸⁸ ⁷⁸⁹ ⁷⁹⁰ ⁷⁹¹ ⁷⁹² ⁷⁹³ ⁷⁹⁴ ⁷⁹⁵ ⁷⁹⁶ ⁷⁹⁷ ⁷⁹⁸ ⁷⁹⁹ ⁸⁰⁰ ⁸⁰¹ ⁸⁰² ⁸⁰³ ⁸⁰⁴ ⁸⁰⁵ ⁸⁰⁶ ⁸⁰⁷ ⁸⁰⁸ ⁸⁰⁹ ⁸¹⁰ ⁸¹¹ ⁸¹² ⁸¹³ ⁸¹⁴ ⁸¹⁵ ⁸¹⁶ ⁸¹⁷ ⁸¹⁸ ⁸¹⁹ ⁸²⁰ ⁸²¹ ⁸²² ⁸²³ ⁸²⁴ ⁸²⁵ ⁸²⁶ ⁸²⁷ ⁸²⁸ ⁸²⁹ ⁸³⁰ ⁸³¹ ⁸³² ⁸³³ ⁸³⁴ ⁸³⁵ ⁸³⁶ ⁸³⁷ ⁸³⁸ ⁸³⁹ ⁸⁴⁰ ⁸⁴¹ ⁸⁴² ⁸⁴³ ⁸⁴⁴ ⁸⁴⁵ ⁸⁴⁶ ⁸⁴⁷ ⁸⁴⁸ ⁸⁴⁹ ⁸⁵⁰ ⁸⁵¹ ⁸⁵² ⁸⁵³ ⁸⁵⁴ ⁸⁵⁵ ⁸⁵⁶ ⁸⁵⁷ ⁸⁵⁸ ⁸⁵⁹ ⁸⁶⁰ ⁸⁶¹ ⁸⁶² ⁸⁶³ ⁸⁶⁴ ⁸⁶⁵ ⁸⁶⁶ ⁸⁶⁷ ⁸⁶⁸ ⁸⁶⁹ ⁸⁷⁰ ⁸⁷¹ ⁸⁷² ⁸⁷³ ⁸⁷⁴ ⁸⁷⁵ ⁸⁷⁶ ⁸⁷⁷ ⁸⁷⁸ ⁸⁷⁹ ⁸⁸⁰ ⁸⁸¹ ⁸⁸² ⁸⁸³ ⁸⁸⁴ ⁸⁸⁵ ⁸⁸⁶ ⁸⁸⁷ ⁸⁸⁸ ⁸⁸⁹ ⁸⁹⁰ ⁸⁹¹ ⁸⁹² ⁸⁹³ ⁸⁹⁴ ⁸⁹⁵ ⁸⁹⁶ ⁸⁹⁷ ⁸⁹⁸ ⁸⁹⁹ ⁹⁰⁰ ⁹⁰¹ ⁹⁰² ⁹⁰³ ⁹⁰⁴ ⁹⁰⁵ ⁹⁰⁶ ⁹⁰⁷ ⁹⁰⁸ ⁹⁰⁹ ⁹¹⁰ ⁹¹¹ ⁹¹² ⁹¹³ ⁹¹⁴ ⁹¹⁵ ⁹¹⁶ ⁹¹⁷ ⁹¹⁸ ⁹¹⁹ ⁹²⁰ ⁹²¹ ⁹²² ⁹²³ ⁹²⁴ ⁹²⁵ ⁹²⁶ ⁹²⁷ ⁹²⁸ ⁹²⁹ ⁹³⁰ ⁹³¹ ⁹³² ⁹³³ ⁹³⁴ ⁹³⁵ ⁹³⁶ ⁹³⁷ ⁹³⁸ ⁹³⁹ ⁹⁴⁰ ⁹⁴¹ ⁹⁴² ⁹⁴³ ⁹⁴⁴ ⁹⁴⁵ ⁹⁴⁶ ⁹⁴⁷ ⁹⁴⁸ ⁹⁴⁹ ⁹⁵⁰ ⁹⁵¹ ⁹⁵² ⁹⁵³ ⁹⁵⁴ ⁹⁵⁵ ⁹⁵⁶ ⁹⁵⁷ ⁹⁵⁸ ⁹⁵⁹ ⁹⁶⁰ ⁹⁶¹ ⁹⁶² ⁹⁶³ ⁹⁶⁴ ⁹⁶⁵ ⁹⁶⁶ ⁹⁶⁷ ⁹⁶⁸ ⁹⁶⁹ ⁹⁷⁰ ⁹⁷¹ ⁹⁷² ⁹⁷³ ⁹⁷⁴ ⁹⁷⁵ ⁹⁷⁶ ⁹⁷⁷ ⁹⁷⁸ ⁹⁷⁹ ⁹⁸⁰ ⁹⁸¹ ⁹⁸² ⁹⁸³ ⁹⁸⁴ ⁹⁸⁵ ⁹⁸⁶ ⁹⁸⁷ ⁹⁸⁸ ⁹⁸⁹ ⁹⁹⁰ ⁹⁹¹ ⁹⁹² ⁹⁹³ ⁹⁹⁴ ⁹⁹⁵ ⁹⁹⁶ ⁹⁹⁷ ⁹⁹⁸ ⁹⁹⁹ ¹⁰⁰⁰

Дело о найме за границей мастеров золотого, серебряного и медного дела. 16 марта 1633 года

Города оставались почти чужды развивавшемуся таким образом промышленному или торговому движению, и правительство, не пытаясь их приобщить к нему, совсем не заботилось о том, чтобы дать прочное существование неустановившимся элементам, составлявшим их население. Когда в Москве основалась довольно многочисленная иностранная колония и стала процветать, ее промышленная и коммерческая монополия подвергалась лишь самой слабой конкуренции со стороны свободных деревень (слобод), очень увеличившихся в числе, благодаря ничем не оправдываемым привилегиям, на земле монастырей.

Они были вторым убежищем, которым даже отдавали предпочтение ушедшие из податных обществ; часто и сами склонные к подобным занятиям, последние очень страдали от этих побегов. Произошло то, что деревни, свободные от податей, «белые», как их тогда называли, прямо способствовали уничтожению податных или «черных» деревень и городов, подпавших под ценз. Купив себе двор «черной» деревни и поселившись там, обитатель «белой» деревни вносил в это новое местопребывание свой личный статут и «обелял» приобретенное им жилище. С него тогда снималась та часть налога, которой он подлежал, и переносилась на основании круговой поруки на другие дворы общества.

А вот еще черта, ярко рисующая печальное положение общества, вынужденного прибегать к таким мерам.

Читатели, следившие за автором исследования, уже знакомы с телесным наказанием, носившим название правежа и практиковавшимся в этой стране по отношению к должникам: так назывались удары палками по голням, производимые по несколько часов в день и в течение нескольких недель перед зданием суда. И вот неоднократно бывали случаи, когда даже состоятельные должники предпочитали скорее подчиниться подобному наказанию, чем исполнить свои обязательства. В 1628 году в дело вмешался закон, ограничивавший одним месяцем употребление правежа, причем вознаграждение кредитора уже производилось теперь из имущества задолжавших ему лиц.

Правительству Михаила и Филарета пришлось заняться мелочами хозяйственной жизни страны, вплоть до проверки, в 1626 году, веса и качества калачей, предназначенных для употребления. Но с этой эпохи московская политика стала слишком экстенсивной, для того чтобы удовлетворять даже элементарным потребностям интенсивной культуры в постоянно расширяемых границах слишком обширной территории. В то самое время, когда она уступала Польше некоторые из своих наиболее населенных областей, которыми она владела, империя царей взамен этого аннексировала в Азии 140 000 квадратных лье пустырей, причем казаки заходили все дальше, достигая границ Китая в своих смелых набегах. Отброшенная с запада сопротивлением более высокой цивилизации, Москва распространила на восток свою колонизаторскую силу, но, как и должно было ожидать, элементы культуры, заносимой ею в сибирские тундры, были очень сомнительного качества, и колонии, созданные на окраинах империи, сделались заодно как аренами смелых предприятий, так и школой самых прискорбных пороков.

Адам Олеарий. Московские улицы. 1643 г.

Грубые и полудикие колонизаторы этой эпохи, в суровой борьбе, в которой они ежедневно ставили на карту свое существование, находясь в постоянном опьянении неограниченной властью, проводили в жизнь некоторые обычаи, которые до сих пор еще тяготят над судьбами их страны.

Путешествуя два раза по Московскому государству, в 1634 и в 1636 годах, Адам Ельшлегер (Олеарий) вынес впечатление, что побывал в совершенно дикой стране. Он был поражен дешевизною продуктов; курица в России стоила две копейки, десяток яиц копейку. Приехав в столицу на Пасхе, он был свидетелем благочестивых и милостивых деяний государя, который до заутрени посетил тюрьмы и раздавал заключенным крашеные яйца и бараньи тулупы. Но в то же время он видел кабаки, переполненные пьяными посетителями, мужчинами и женщинами, светскими и духовными, предававшимися разгулу и разврату. На улицах валялись пьяные, и каждое утро на них подбирали множество трупов. Пожары происходили чуть не каждую минуту, и их даже не тушили, разбивая лишь топорами соседние дома, чтобы огонь не мог дальше распространиться. Таким образом разрушались целые кварталы. Было, правда, нетрудно отстроить их вновь, так как на особом рынке продавали уже готовые дома, которые можно было поставить на место в течение нескольких дней.

Эти дома представляли собой просто лачуги, и в окружавших их старых садах Олеарий не видел и следа заботливой культуры – ни цветов, ни овощей. У одного только царя было несколько футов земли с розами, привезенными из Готторпа, и голландцы только что начали употреблять салат и спаржу. Жители Московского государства ели все, что попало, не заботясь о комфорте или об изяществе. Грубость нравов, как и распущенность и противоестественные пороки, считались среди них заурядным явлением.

Не оставляет ли эта мрачная картина некоторых просветов? Ученый немецкий наблюдатель, как кажется, не открыл ни одного. А между тем уже одно его присутствие в Москве, куда он был приглашен в качестве посланника европейской культуры, должно было слу-

жить ему доказательством и убедить его в том, что варварство, печальные стороны которого он отмечал не без некоторого преувеличения, являлось лишь пережитком отдаленного прошлого.

11. Прогресс

Почти вслед за Ельшлегером занимался в Москве в 1637 году переводом одной большой латинской космографии другой иностранец, Иоганн Дорн, при помощи одного туземца, Богдана Лыкова.

Сам Филарет присутствовал в Чудовом монастыре при открытии греко-латинской школы, порученной известному исправителю священных книг Арсению Глухому. И в то время уже, под влиянием свойственного этому народу постоянного перехода к крайностям, первые проблески культуры создали у тех, кто пользовался ее плодами, необдуманное и ничем не оправданное презрение ко всему, что составляло национальное наследие страны. Таков был известный Иван Хворостинин, неясный силуэт которого я имел уже случай нарисовать. Если можно было извинить этого либерала семнадцатого века за то, что он смешал доброго и кроткого Михаила с деспотом, – раз Филарет держал бразды правления, такая ошибка была возможна, – но слишком сильное презрение этого человека к людям и порядкам его страны делает его гораздо менее симпатичным.

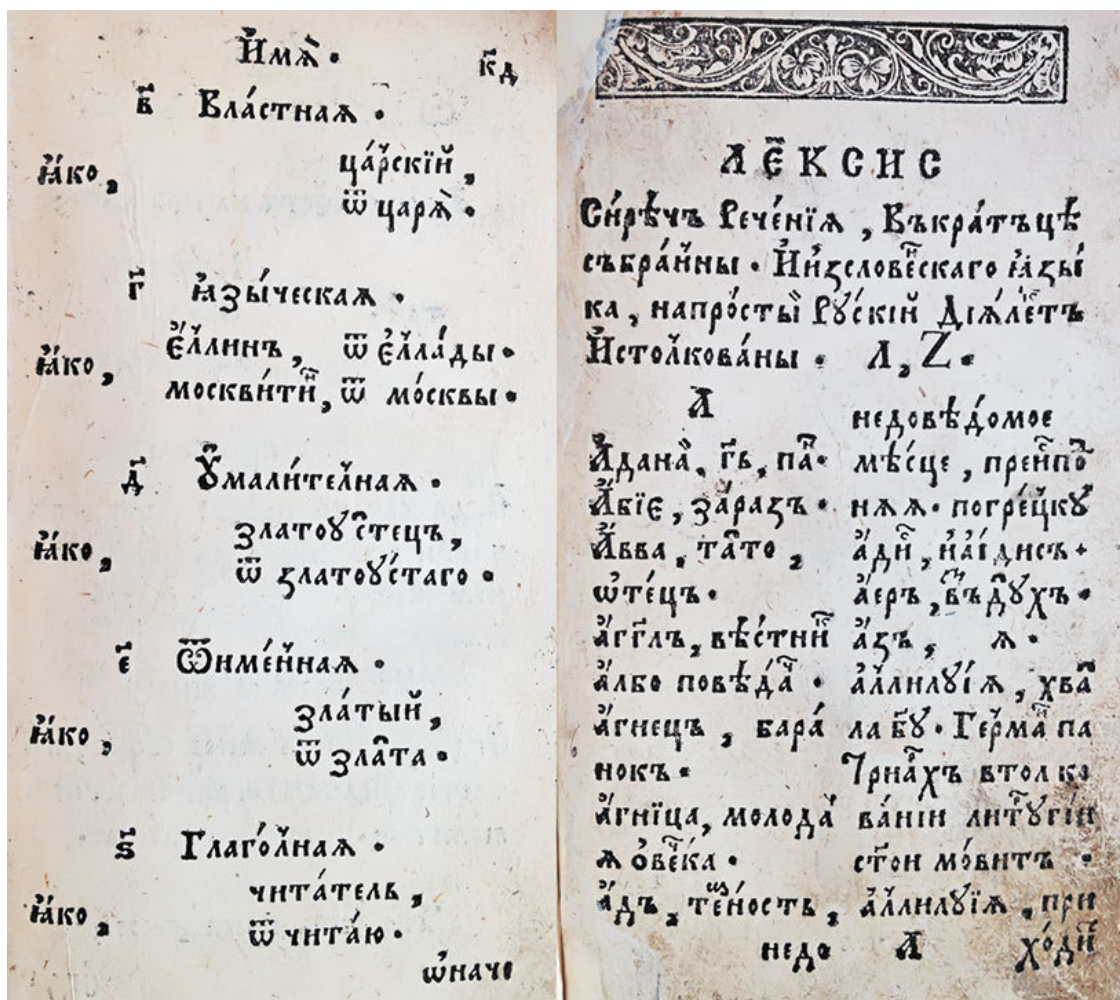

Титульный лист «Славянской грамматики» Лаврентия Зизания. 1596 г.

Призванный ко двору после нескольких лет заключения в монастыре Св. Кирилла, он мог увидеть по своему собственному примеру, что времена, когда Грозный совершал свои лютые кары, отошли в далекое прошлое.

Прошлое, безусловно, еще упорно держалось, вызывая реакцию совершенно противоположного характера. В 1627 году скромный пионер цивилизации, Лаврентий Тустановский, по прозвищу Зизаний, вызвал против себя нападки за то, что толковал в своих книгах

такие явления, как затмение Солнца, землетрясения и кометы, стараясь дать им естественное объяснение. За элементарные объяснения законов движения созвездий, почерпнутые им из книг, он был обвинен в ереси, так как всякий добрый христианин должен был знать, что ангелы управляют движением созвездий. Национальная литература не обогатилась еще, однако, другими произведениями, чем эти наивные и грубые опыты политической полемики и религиозной догматики, в которых черпали свое вдохновение князь Курбский и его современники.

Разворот «Славянской грамматики»

У большинства их последователей в изучаемую нами эпоху грубость стиля соответствовала бедности мысли. Самый плодовитый из них, князь Семен Шаховской, являлся как в прозе, так и в стихах лишь невозможным напыщенным декламатором. Стремясь исключительно подыскивать звучные фразы, совершенно лишенные смысла, он в то же время обнаруживает неспособность привести какой-либо ценный довод в своем письме к шаху Аббасу, чтобы побудить его принять крещение, или дать полезные сведения в оставленных им мемуарах.

Ничего более ценного в литературном и историческом отношении не представляет собой и официальная хроника Смутного времени, начатая в царствование Михаила и известная под названием «Рукописи патриарха Филарета». Более интересны описания путешествий в Палестину и Персию московских купцов Гогары и Котова. Гогара был мало образован и очень наивен; поднеся свою бороду к восковой свече, зажженной от чудесного огня

Иерусалимского храма, он трижды убедился в том, что не испытывает от того никакого ущерба. Из Иерусалима этот наивный паломник пробрался в Египет, где был сильно поражен видом пирамид. Восторженное отношение к его рассказам доказывает уже само по себе то любопытство, которое родилось в среде его окружавшей и которого уже не были в состоянии сдержать умственные рамки старого Московского государства.

На некоторое время эта страна еще должна была остаться заключенною морально в узкую сферу религиозных идей и интересов. Самыми крупными учеными той эпохи являлись исправители священных книг. Но из усилия, направленного в эту сторону, среди другого грозного кризиса, должен был пробудиться национальный дух, благодаря эмансипаторской мощи, которая бессознательно была внесена этой работой, пробудив в среде преданий и рутины сознание необходимости и значения критики, этого великого орудия всех побед современного мира.

Первые проявления этой эволюции были несчастливы. Задача исправления священных книг находилась здесь в связи с темным началом в Москве книгопечатания. Единственная московская типография, разрушенная во время польской оккупации и восстановленная Михаилом, совершенно естественно была использована вначале для печатания трудов по литургии и обучению вере.

[illegible]

«Повесть о бывших в России после кончины царя Бориса Годунова до избрания царя Михаила Федоровича замешательствах и бедствиях». Рукопись патриарха Филарета о событиях в России с 1606 по 1613 год. Фрагмент. 1626 г.

Во время этой работы приходилось исправлять многочисленные ошибки, внесенные в текст невежественными или небрежными переписчиками. Чтобы направлять работы этой ревизии, Михаил назначил в 1616 году знаменитого архимандрита Сергия-Троицы [Троице-Сергиевой лавры] Дионисия, еще недавно сыгравшего роль героя и снискавшего, благодаря этому, престиж и безграничный авторитет. Но народное непостоянство, являясь беспощадным разрушителем самых великолепных апофеозов, коснулось и знаменитого монастыря и его благородных героев. Очень святой человек, Дионисий был, по-видимому, очень посредственным администратором и на другой день после великих испытаний, где восторжествовала его доблесть, ежедневные запросы жизни обнаружили его слабость. Он не умел заставить себе повиноваться. Привыкнув не считаться с его приказами, под предлогом того, что он сопровождал их неизменно словом «пожалуйста», его подчиненные дошли до того, что стали публично оскорблять его и, не зная удержу, использовали приобретенную им популярность для самых гнусных издевательств. Монахи этого монастыря занимались захватом чужого имущества, лихоимством и всякого рода насилиями. Служители святого места занимались вооруженным грабежом.

От этого должна была пострадать репутация архимандрита, обвиненного вскоре в ереси при выполнении своих новых функций, и, осужденный к уплате пятисот рублей, которых он не был в состоянии заплатить, выставленный на правеж, брошенный в темницу с цепью на шее, он испытал все горести незаслуженной немилости. Особенно его обвиняли в том, что в стихе «Гряди Господи и благослови воду Духом Святым и огнем» – в молитве о благословении воды – он уничтожил два последних слова. Ремесленники, употреблявшие огонь в своем ремесле, упрекали его, что он хочет отнять у них кусок хлеба, и в то время как во дворе патриаршего дворца временный управитель престола Иона, Крутицкий митрополит, бражничал со священниками, несчастного архимандрита били кнутом, а взбунтовавшиеся кузнецы швыряли в него камнями.

Все это происходило до возвращения Филарета. Так как с появлением будущего патриарха совпало присутствие в Москве иерусалимского патриарха Феофана, в этом деле наступил поворот. Узнав об инциденте, восточный первосвященник подтвердил, что спорные слова не находятся в греческих текстах. Положение тотчас же меняется, следует созыв Собора и полная реабилитация Дионисия. Но исправление священных книг должно было вызвать позже еще большую бурю; поднявшиеся таким образом споры не исчерпаны и до сих пор; здесь отдаленное начало того религиозного конфликта, который занимал и еще до сих пор занимает такое значительное место в истории России.

Глава III

Отец Петра Великого

1. Восшествие на престол Алексея

По числу и по обширности трудов, реализованных или близких к реализации, по проблемам если не разрешенным, то поставленным, по крайней мере, на очередь, по созданным или ускоренным движениям в сфере политических, социальных и религиозных отношений — это царствование является одним из самых памятных в истории России. Оно ступеньвалось в глазах непосредственного потомства пред ярким блеском того, что следовало за ним, но в наши дни более внимательное рассмотрение фактов дало возможность установить более правильный исторический взгляд на них и признать, что по отношению к массе элементов, приготовленных заранее к плодотворной жизни, дело Петра Великого, чрезмерно ускоряя роды, явилось во многих отношениях лишь болезненным и вредным абортom, последствия которого чувствует современная Россия и до сих пор.

С середины семнадцатого столетия необходимость обновляющих мер, проявляясь во все более и более многочисленных и настойчивых требованиях и все усиливающихся бунтах, вызвала здесь значительную законодательную деятельность. Наряду с проблемами экономического и юридического характера были поставлены и другие, нравственного и религиозного характера, давшие сильный толчок предпринятому исправлению святых книг и реформе ритуала. Связанный с вопросом о национальном единстве, как и с не менее щекотливым вопросом об отношениях церкви к государству, раскол ввел в эту сферу совершенно новый порядок. И в то же самое время восстание польских казаков увеличило всеобщее тяготение украинского населения к московской орбите и прельстило Москву мыслью восстановить древнее русское наследие.

Лицо, игравшее главную роль в этих событиях, и эпоха, в которую они происходили, заслуживают, несомненно, внимания.

По своей доброте, кротости, способности сильно привязываться к своим приближенным Алексей походил на своего отца. Но у него был более живой характер, более крепкий темперамент, и он получил воспитание, более соответствующее его положению. Воспитанием его руководил с тринадцати лет боярин Борис Иванович Морозов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.